

Судьба

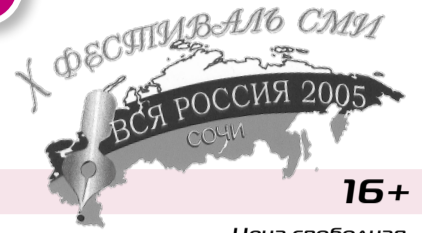
Лауреат в номинации
"Выступления в защиту прав человека"

№4 /206/ • 2023 г.

gazetasudba.ru

16+

Цена свободная

Юлия Олеговна КУПЕЦКАЯ,
глава городского округа
Мытищи.
Московская область.

Перекличка в Мытищах – свидетельство непрерывности связи поколений. Дети и подростки, пережившие ад на Земле, нашли в себе силы не ожесточиться, а сохранить чистую душу, любящие сердца и стремление видеть человека в другом человеке. И сегодня ясно, что без их мученического подвига не было бы Победы нашего народа в Великой Отечественной войне

Начало XXI века ознаменовалось таким явлением, как переписывание истории. Происходит это на глазах живых свидетелей и участников Великой Отечественной войны. Когда уходят свидетели страшной трагедии XX века, в которую были втянуты жители фактически всего земного шара, исчезает тот пласт людей, которые могут рассказать как "это было" на примере своих трагических судеб. Важно помнить, что общая история любого государства складывается из биографии каждого его гражданина.

К сожалению, уходят из жизни бывшие узники концлагерей, созданных гитлеровцами на оккупированных территориях в годы войны. Уходят, не получив от общества того интереса, которого история их жизни в этом обществе должна бы вызвать. В России сегодня осталась горстка БНУ – всего 60 тысяч. Вместе с ними не уйдёт ли из народной памяти целый пласт, который связан не только с российской, но и с европейской и мировой историей. У новых поколений осталось совсем мало времени, чтобы посмотреть в глаза старикам, чтобы узнать правду о войне и её жертвах.

Наш сегодняшний выпуск представляет собой воспоминания бывших узников, проживающих в подмосковном городе

Мытищи. Материалы, собранные по инициативе "Общества несовершеннолетних узников фашизма 1941-1945 гг", при поддержке администрации муниципального образования служат основой для объективной оценки накопленного исторического опыта, а также препятствуют тотальному переписыванию истории, особенно той ее части, которая касается Второй мировой войны.

Более 200 узников приняли участие в своеобразной перекличке. Они застали войну детьми и подростками. По причине своего малолетства в годы войны они транслируют не только свою собственную память, но и память своих родителей, родственников и земляков. Воспоминания о суровом детстве подтверждают архивные документы, справки, метрики, протоко-

ния, часто тайком ходили в лес – в надежде встретить отца. Однажды встретили группу воинов, выходящих из окружения. Мы провели воинов через лесной массив к Наро-Фоминску. Но их пленили, заставили расширять и расчищать площадь у церкви и дороги. И – расстреляли.

А вскоре по деревне Смолино фашисты прогнали колонну узников – жителей города Наро-Фоминска. Колонна состояла из женщин и детей. Шла женщина с двумя детьми – девочками. Младшенькой было три или четыре года. Вот её то на глазах у всей колонны и жителей деревни фашист опустил головой в прорубь замерзшей речки за то, что она громко плакала. Мы были ошеломлены тем, что здоровый мужик на наших глазах собственноручно утопил маленькую напуганную девочку.

На рассвете следующего дня всех жителей деревни Смолино построили и под охраной автоматчиков погнали в неизвестность. Так, в восьмилетнем возрасте, я стал узником фашизма. Мирных граждан оккупанты объявили военнопленными, поступая с нами как с врагами. Нас гнали через сожженные деревни, торопили. Отстающих людей били ногами и прикладами, а падающих от усталости и бессилия – расстреливали. Ночевали мы в заброшенных помещениях при минусовой температуре. Где-то нашу колонну пересортировали. Всех немощных – расстреляли, а остальных погнали дальше. В нашей колонне шли два брата с мамой. Одному было десять лет, а другому – двенадцать. Во время остановки они подобрали со снега печенье, случайно рассыпанное немцами.

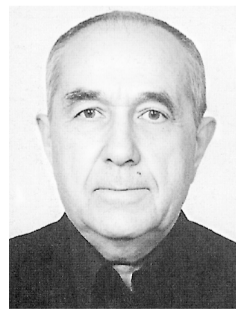
ПЕРЕКЛИЧКА В МЫТИЩАХ

лы опроса свидетелей, решения судов, справки комитета госбезопасности, протоколы схода граждан сёл и деревень, переживших оккупацию.

Все участники переклички – люди пожилые, большинству – за 80. А вот имена старожилов, тем, кому за 90: Постнова Вера Захаровна, Левашова Ефросинья Афанасьевна, Лисенко Вера Михайловна, Ильина Анна Антоновна, Домникова Анна Егоровна, Юдина Валентина Дмитриевна, Сурганова Анна Ивановна, Костерева Нина Григорьевна, Кованова Валентина Михайловна, Екимова Лидия Васильевна, Каверина Александра Игнатьевна. 92 года исполнилось Толстовой Евдокии Викторовне, Тюрину Александру Ивановичу, Плысенко Валентине Ивановне, 93 года – Мерзликиной Елене Сергеевне, 94 – Еграфовой Валентине Андреевне, 95 лет – Чашкиной Варваре Фроловне, 97 лет – Першиной Галине Филипповне, 99 лет – Харланенковой Александре Карповне. Спасибо ветеранам за их личный трагичный жизненный опыт, который навсегда останется в нашей памяти, как пример стойкости и силы духа.

ГЛАДЫШЕВ ВИКТОР ГЕОРГИЕВИЧ

Родился 25 января 1933 года в деревне Смолино Наро-Фоминского района Московской области.

– В 1939 году умерла моя мама, а в августе 1941 года моего отца призвали в армию. Шестеро детей остались предоставленными самим себе. В октябре 1941 года, после тяжелого боя, фашисты захватили нашу деревню Смолино. Нас, шестерых сирот, взяли к себе родственники по линии отца. В первые месяцы войны нашим войскам приходилось отступать. В лесах, прилегающих к нашей деревне, встречались советские воины, пробирающиеся к линии фронта. Я и мой старший брат Иван, 1930 года рожде-

лично меня, восьмилетнего мальчишку, поставили для расстрела за то, что я поднял листовку, сброшенную с советского самолета. Прицел найден, затвор взведен, последние секунды моей жизни... Молча перекрестился, и в этот момент мой родственник, пожилой человек, дядя Ваня выбил у фашиста автомат.

*Неужели это судьба,
И судьбою предписан мне рок?
Неужели ведут на расстрел,
И убийца нажмет на курок.
Я не дрогнул и слёз не пролил,
Смотрел в чёрное дуло ствола.
Я душой только Бога просил,
Чтобы смерть отступила, ушла.
Бог услышал прошение моё,
И продлил несмышлёнышу век.
Я живой! Я живу с верой в Бога,
Православный я человек.*

Моего брата Ивана немцы вытащили из дома на улицу, чтобы расстрелять по совершенно нелепому обвинению. И вновь чудо! Двоюродная сестра нашего отца, Анна Антоновна, отчаянно отбивает у немца моего одиннадцатилетнего старшего брата. Опять обошлось! Наш деревенский друг, Гриша Темнов, поймал блудную лошадь и решил на ней проскакать по деревне. Скачущего на коне Гришу застрелил фашист. Стрелял с колокольни нашей церкви, в которой нас всех крестили.

В оккупированной деревне царил сплошной мародерство. У нас отобрали тёплую одежду, продукты питания. Мой старший брат Сергей знал немецкий язык в пределах программы средней школы. Он узнал, что немцы уходят из деревни Смолино. Идут брать Москву.

"Сталин – капут! Москва – капут!" Ушли! Два дня деревня приходила в себя. На третий день в Смолино ввалились другие немцы. На них была новая сияющая форма, а так же – новое оружие, среди вооружения были огромные дальнобойные пушки, накрытые цветными знаменами. Гремел духовой оркестр, инструменты которого казались золотыми. Они маршировали по церковной площади и деревенской улице, пели песни-марши, выкрикивали лозунги. Нас не трогали. Потом мы узнали, что это подразделение готовится к параду на Красной площади в Москве.

Оба брата здесь же и были расстреляны. Колонну с их мамой погнали дальше, а два детских тела остались лежать на окровавленном снегу.

Пересортированную и поредевшую колонну, в основном состоящую из детей, пригнали в город Боровск Калужской области. За время этого жуткого перехода нас ни разу не кормили. Голодных и обмороженных нас разместили в разрушенном храме Бориса и Глеба, где уже находились дети-узники из других населённых пунктов. В храме разбиты окна, а замороженная входная дверь не закрывалась. У двери стояла ёмкость с бензином. Пол в храме был каменный, отопления нет, все проморожено. На ледяном каменном полу лежать нельзя. Стоять не было сил. Дети умирали от голода и мороза. Детям, не потерявшим способность ходить, разрешали выходить из церкви побираться. Но что могут дать уже ограбленные жители оккупированного города? Брат Иван, возвращаясь с попрошайничества, принёс немного соломы, и мы по очереди на ней лежали. Мне тоже повезло, я нашёл заметённую снегом мертвую лошадь. Мясо с неё уже было ободрано, но кое-что осталось. Я царапал ногтями замороженное мясо, но никак не мог оторвать хотя бы маленький кусочек. Пальцы в крови, в глазах слёзы. Но я не мог отойти от лошади, потому что понимал – без этого спасительного мяса, хотя бы кусочка, мы умрём от голода. По-видимому мои действия были настолько жалкими, что наблюдавший за мной немец сходил в соседский дом и принёс мне нож. Я смог как-то отрезать немного промёрзшего мяса лошади. Кусочки мяса были скорее похожи на строганину. Несколько дней мы сосали сырую ледяную конину. И она, дорогуша, сохранила нам жизнь. Мы делились этим мясом с другими детьми. В храме было по-прежнему холодно, голодно, стоны, молитвы, плач детей. Умирали и дети, и взрослые. Их скрюченные тела немцы выбрасывали на улицу, в сугроб.

Не знаю, как я выжил... Помню день освобождения. Какая-то деревня, всё в огне. Мы в снегу на высоком берегу замерзшей реки. Вижу миномет и пулеметы, а за рекой снежное поле. Значит конец, значит расстрел. Лежим без движения. Нас бьют нога-

ПЕРЕКЛИЧКА В МЫТИЦАХ

ми, сбрасывая к реке, и в это время заработали пулеметы. Мы то бежали, то ползли, утопая в сугробах. Над головой свистели пули. Впереди увидели лес и серые шинели. Наши!

Из леса нам кричали: "Товарищи, быстрее! Нам немцев бить надо!". Я упал лицом в снег и потерял сознание. Наши перекрыли линию фронта, концлагерников освободили. Меня полуживого отнесли в землянку.

Первое торжество свободы – солдатский котелок с горячей гречневой кашей. Я почти ожил. Мы добрались до своей деревни. Но дом разбит, родителей нет. Меня, брата Ивана и сестру Марию отвезли в Москву в детский приёмник-распределитель. Он размещался в Свято-Даниловом монастыре. Жившие в нем дети называли его тюрьмой, а для меня это был рай. Здесь меня отмыли, подлечили болячки и отправили в детский дом имени 1 мая, находившийся в городе Пушкино Московской области.

В детдоме я жил мечтой найти отца. Поэтому, в 1943-м году, в возрасте десяти лет, прилип к одной воинской части и, как сын полка, отправился на фронт искать отца. Мною заинтересовалась милиция и отправила обратно в детдом. С 1942 года по 1949-й год я был воспитанником детского дома и, одновременно, воспитанником Советской армии (сыном полка).

Являясь сыном полка и военным музыкантом, я был на Параде Победы в Москве на Красной площади 24 июня 1945 года. Смотрел, как под проливным дождем наши воины бросали фашистские знамена к правительственной трибуне.

PS. Позже я узнал, что мой отец погиб 12 января 1943 года – в первый день прорыва блокады Ленинграда.

Дети войны

Протрубила тревогу труба для бойцов,
И мальчишки на фронт проводили отцов.
Стало небо темнеть, стал багровый закат
По России шагает фашистский солдат.
Что он здесь делает, что забыл,
Сколько ограбил, сколько убил?
Сколько еще их, чего от них ждать,
Долго ли будут детей убивать?
Кто защитит нас, кому мы нужны,
Малые дети Великой страны?
С детства трагична наша судьба,
К нам равнодушна большая страна.
Малые дети, заплаканы лица,
Нас угоняют на муку к фашистам.
Кого-то задушат, кого-то сожгут,
А тех кто крепче в рабство сдадут.
Военную мощь набирает страна,
Гонит фашистов, Победа близка:
Победу куют на заводах Урала,
В битвах на Волге,

в прибрежьях Байкала.

Победа свершилась, повержен Берлин,
Господь Всемогущий нам путь озарил!
Ликует Россия, печали долой,
Малые дети вернулись домой.
Малые дети, заплаканы лица,
Чем вас встречает большая столица?
Знает ли Сталин, отец наш родной,
Лишь каждый десятый остался живой?
Друг мой, "десятый",
прошёл ли твой страх?

Вместо ответа слёзы в глазах.
Слёзы в глазах, в глазах оргии немцев,
Два миллиона казнённых младенцев.
Два миллиона малых детей –
Нет им могилки, нет вечных огней.
Просим, чтоб памятник им возвели –
Но "нет в стране денег, мало земли!"

12 января 1943 года

Зима, январь с двенадцатым числом,
Полки готовы штурмовать преграду.
Команда: "В бой!" И в бой пошли,
Чтоб Ленинградскую прорвать блокаду.
Пурга, метель и пулеметный шквал,
Высоты, лед и ненависть к фашизму.
И снова: "В бой! За Родину! Вперед!"
Бегут, ползут и гибнут за Отчизну.
На штурм блокады призван мой отец,
В боях с врагом его судьба не пощадила,
Отец погиб за Родину под Мгой,
И Родина меня об этом известила.

"Десятый"

Просишь ты рассказать о военных годах,
Не хлебавший ни лиха, ни горя.
Слушай, друг, я тебе расскажу,
Как едят детей вши и кругом крови море.

Как по снежному полю ведут на расстрел,
Как болит от мороза промёрзшее тело,
Как попал я в фашистский

сплошной беспредел,
Защитил меня Бог,
смерть меня не задела.

Ты не можешь представить
расстрелы детей,
И детей, что на речке под лёд опустили –

Мы всегда были рядом со смертью своей.
Как тебе рассказать, что меня не убили...
Как тебе показать деревенскую жизнь,
Старый дедовский дом близ реки

у церквушки...
Как тебе передать громкий окрик:
"Ложись!",

Когда рядом проносятся
пули-свистушки...
Как тебе показать старый

Боровский храм,
Где на мёрзлом полу умирали младенцы...
Как тебя провести по кровавым следам,
На которых стреляли по узникам немцы...
Расскажу, как топили, морили, душили

и жгли,
Каждый день был смертями объятый.
Расскажу, что из сотни замученных
насмерть детей

Оставался в живых лишь десятый.
Я не знаю тех слов, что тебя убедят,
Да и надо лóль кричать,
чтобы мир весь услышал?!

Пусть меня убиенные только простят
Лишь за то, что из этого ада "десятый"
я вышел.

ЕФИМОВА
ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА

Родилась на Брянщине, в деревне
Русаново 1931-м году.

– В семье нас было пятеро детей. В войну отец, Лукьяненко в Василий Ильич, ушел на фронт, позже был призван и старший брат.

Уже в июле 1941 года наша область была оккупирована. Фашисты начали "хозяйничать" везде и всюду.

Нас с матерью выгнали из дома, в котором поселились немецкие офицеры. Мы вырыли землянку в огороде, там и жили. Фашисты издевались над населением, особенно над семьями фронтовиков, коммунистов и комсомольцев. Сгоняли взрослых, стариков и молодых, и даже детей смотреть на казни наших людей. Отворачиваться и закрывать глаза не позволялось.

Перепуталось время нашей жизни. Немцы зверствовали днем, а ночью партизаны давали "жару" врагу! Близился фронт, немцы в ярости стали угонять целые деревни в Германию. Некоторые жители, кто мог убежали в лес. А мы спрятаться не смогли, не успели. Угнали в Неметчину и нашу мать, и нас, троих детей, вместе с нею.

Мы попали в концлагерь. Жили в деревянных бараках, обнесённых колючей проволокой под напряжением с вышками по углам. В бараке были деревянные двухъярусные нары, покрытые стружкой, на которых мы спали по двое. Кормили два раза в день баландой из брюквы и свеклы, которую готовили в большом котле на улице. Хлеба не давали никогда. Бывало, что совсем не давали еды. Нас постоянно одолевал голод.

Взрослые и подростки работали под охраной на разгрузке вагонов. Иногда разгружали овощи: свеклу, брюкву, картошку, как взрослые говорили. Если удавалось стащить что-нибудь и съесть, то это было за счастье. Полиция, если замечала, сильно били за это. Мой брат попался. Детей заставляли работать на уборке барачных и территории, сортировать привезённый уголь. Нас перевозили несколько раз в другие лагеря.

Когда наши войска шли с боями по Германии, нас согнали и закрыли в каком-то хранилище. Казалось, что про нас забыли. Сколько дней мы там были, не помню. Мы слышали канонаду, стрельбу, потолок

подземелья трясся от грохота техники, дышать было очень трудно, воздуха не хватало на всех. А когда люк открыли, мы увидели свет и своих солдат. Я увидела звёздочку на фуражке, и мы поняли, что нас спасли свои. Они на руках выносили нас: больных, голодных, ослабленных. Кто крепче, вылезали с большим трудом сами. А некоторых выносили умершими. Не дожили, не смогли дожить до свободы.

Потом нас группами отправляли на родину. Добирались месяцами: и пешком, и поездами, и на машинах попутных, а то и на подводах, телегах.

В деревне наших домов осталось мало. Жили кое-как, где придётся, у людей в землянках, но на Родине!

Война коснулась каждой семьи, и моей тоже. Отец погиб в битве на Курской дуге. В этой мясорубке он пропал без вести, как значилось в бумаге. Брат вернулся инвалидом первой группы, контуженный и почти слепой.

Но надо отдать должное нашей матери и всем матерям и женам, сумевшим в такое страшное время сохранить, поднять и воспитать детей без отцов!

Великое горе постигло всех нас в годы Великой Отечественной войны. Нельзя ни теперь, никогда-никогда не забывать, не умалчивать, не извращать это горе, лишения и разруху!

ЗАХАРОВА (ПОТАПОВА) НАДЕЖДА ИВАНОВНА

Родилась 2 июня 1937 года в деревне
Мартыново Дорогобужского района
Смоленской области.

5 июня 1943 года мы всей нашей деревней Мартыново были угнаны немцами в Германию.

Моей маме, Потаповой Пелагее Николаевне, на момент угона было тридцать пять лет, сестре, Потаповой Нине

Ивановне, восемь лет. И я с ними. Везли нас в товарных поездах, набитых, как селёдка в бочках, и мы опрвалялись прямо в вагоне. Невозможно было дышать.

Привезли нас в Германию, в город Хаген Вестфальской области, в лагерь Выперман на улице Дельтенштрассе. Взрослые работали, а мы, дети, находились под охраной. На улицу не выпускали. Кормили брюквой. Находились там до девятнадцатого апреля 1945 года, до освобождения американскими войсками. Вывезли нас в посёлок Форгале, который расположен в трех километрах от города Хаген. 25 августа 1945 года погрузили в торговый поезд и привезли в город Берлин. Из Берлина нас везли уже советские солдаты на машинах до Бреста. А с Бреста отправляли по областям. Доставили нас в Ельню. С Ельни добирались сами. 14 октября 1945 года мы были дома. Но дома не было, так как он сгорел. Добрые люди пустили пожить, а уже потом мы построили небольшой шалаш, в котором спали на полу на соломе, где прыгали лягушки вокруг нас. Но все пережили и, пока, как видите, жива.

СОРОКИНА (КУЧЕРОВА) ЛИДИЯ НИКОЛАЕВНА

– В довоенное время проживала с отцом и матерью в селе Иваново Истринского района Московской области. Когда фашистские войска приближались к нашему селу, было принято решение о вывозе ткацких станков с фабрики (направление неизвестно), а саму фабрику взорвали. Когда захватили наше село немцы, всех жителей выгнали на улицу. В нашем доме оккупанты расположили

штаб. Родители готовили им еду, разгружали машины, чистили дороги. Прежде, чем есть самим, кормили нас, детей, чтобы проверить, не травят ли их.

Прошло время. Наши войска вели наступление. Выгнав людей из домов и построив их в шеренги, на наших глазах взорвали все дома. Немецкий офицер объявил: "Вы направляетесь в рабство в Германию!" Гнали нас строем через лес к станции Зараза.

Наступила одна из ночей, люди уснули, и кто-то вдруг обнаружил, что немцев возле нас нет. Все мы спохватились и стали разбегаться. В лесу, в нескольких местах, наши разожгли костры. У одного из них остановились на ночь. Мы обрадовались, что вырвались из плена, но тут наши самолеты стали бомбить лес, ориентируясь на костры. Они думали, что здесь затаились немцы. На счастье, у кого-то из людей оказалось колхозное знамя, и начали им размахивать. Бомбежка прекратилась. Утром всей толпой мы возвращались к своим разбитым домам в село.

Армия под командованием Рокоссовского остановила нас, сказав, что там всё заминировано. Один молодой человек залез в машину, и она взорвалась. Рокоссовский дал приказ посадить всех детей в сани и доставить в деревню Павловская Слобода. Родители шли сзади. В деревне нас расселили в свободные дома. Жили мы там долго. Наши родители поехали в сельсовет и добились распределения на фабрику "Пролетарская Победа". Так мы и попали в этот край.

ЗОСИМОВ ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1938-м году в деревне
Чащи Ельнинского района Смоленской
области.

– Семья у нас была многодетная, семеро детей. Когда началась война, то отца и старшего брата Николая призвали в армию. Отец погиб в 1942-м году в районе города Порхов. Брат Николай воевал танкистом в разведроту и закончил войну в Маньчжурии в сентябре 1945 года.

Младших же, то есть меня (пять лет), сестру Марию (двенадцать лет), брата Михаила (четыренадцать лет) с матерью и другими жителями нашей деревни Чащи в начале марта 1943 года одной колонной погнали в сторону Рославля Смоленской области. Там погрузили в эшелон и повезли. Куда везли, никто не знал. Так мы оказались в Австрии в концлагере "Маутхаузен", где пробыли до 1944 года. В начале лета или летом нас с матерью и других перебросили в Германию, в сорока километрах от немецкого города Ганновер. Затем оказались в километре от города Анбек на Хуторе Пинклер. В бараке находились французы, русские и заключённые других национальностей. Барак двухэтажный с полками. На первом этаже были семейные, на втором одинокие. Взрослых гоняли на сельскохозяйственные работы. Брат Михаил работал на скотном дворе, ухаживая за овцами. Однажды немцы его очень сильно побили, что потом сильно сказалось на его здоровье. Мы с сестрой были при бараке. Помню, так я играл с двумя сыновьями Бауэра, одного звали Вилли, другого Хельмут. Когда мать возвращалась с работы, она иногда приносила то свеколку, то картошку, то еще что-либо. И тогда мы топили печь-буржуйку, терли картошку и пекли оладьи из картофеля. Поляки их называли "пьячки". А из свеклы мать варила отвар. Но это было не часто.

В начале мая 1945 сперва была бомбежка, потом в Хутор ворвались танки. На танках были белые звезды. Оказалось, это были американские танки. Бауэр и его прислуга, конечно, разбежались, когда их нашли, то они нам разрешили резать несколько овец, напечь хлеба и блинов.

В начале мая 1945 сперва была бомбежка, потом в Хутор ворвались танки. На танках были белые звезды. Оказалось, это были американские танки. Бауэр и его прислуга, конечно, разбежались, когда их нашли, то они нам разрешили резать несколько овец, напечь хлеба и блинов.

В начале мая 1945 сперва была бомбежка, потом в Хутор ворвались танки. На танках были белые звезды. Оказалось, это были американские танки. Бауэр и его прислуга, конечно, разбежались, когда их нашли, то они нам разрешили резать несколько овец, напечь хлеба и блинов.

В начале мая 1945 сперва была бомбежка, потом в Хутор ворвались танки. На танках были белые звезды. Оказалось, это были американские танки. Бауэр и его прислуга, конечно, разбежались, когда их нашли, то они нам разрешили резать несколько овец, напечь хлеба и блинов.

ПЕРЕКЛИЧКА В МЫТИЦАХ

Нас стали готовить к отправке на Родину. Погрузили в телеги - прицепа к колёсному трактору и повезли. Сопровождали наши и немцы. И где-то на границе с Польшей нашу колонну обстреляли. И мы скрывались, где попало. Ночевали и в стогах соломы, и в разбитых домах. К нам еще присоединились и пленные. Где-то в конце июня 1945 года в городе Пинек нас передали советским властям и направили по месту жительства.

По прибытии домой у нас уже стоял сруб дома, сделанный из землянок. Это строили две наши старшие сестры Анастасия и Екатерина, которым удалось сбежать с другими девушками из обоза и перейти линию фронта, к нашим, где они и находились до конца войны в отряде медсанбата. На момент окончания войны Анастасии было двадцать четыре года, Екатерине – двадцать два.

В это же время вернулся домой с войны старший брат Николай. Он помог доделать хату. Сложил печь, и мы перекочевали в хату на зиму. Зима была очень суровая, был голод. Но мы выжили.

В 1946-м году я пошёл в школу. В нашей деревне окончил четыре класса, перешёл в семилетнюю школу за шесть километров, ходил в десятилетнюю за двадцать километров от дома.

В 1956-м году окончил десять классов. Когда в аттестате мне поставили год рождения 1940-й, то я ездил в РОНО города Ельни, заявляя о том, что год неверный, я с 1938 года рождения. Но там ничего не подтвердили, а сказали, чтобы я обратился в ЗАГС. Но и там никаких документов не нашлось, так как меньший братик Виктор умер еще в начале 1940 года. И, очевидно, меня оформили на его документы.

В 1997-м году мне выдали удостоверения узника, нам пришлось долго искать подтверждающие документы. Дело в том, что на меня они нигде не сохранились. Куда только не обращался, везде ответ один – документы не сохранились. Я вынужден был ехать в город Смоленск, в областной архив, и поднимать документы на брата Михаила. А так как брата избил немцы, и он болел, американцы забрали его и поместили в лагерь ПФЛ-242, находившийся в городе Франкфурте. Там его лечили долго, и он давал показания там, где был и с кем был. Вот так, на основании его показаний и показаний свидетелей, мне было выдано удостоверение. И Мытищинский городской суд подтвердил на основании этих документов.

Брата Михаила нам вернули после лечения в конце июля 1945 года.

Таким образом, в войну мы потеряли только отца, и до войны самого младшего братика Виктора, который не прожил и года. Остальные члены нашей семьи, пройдя страшные испытания, остались в живых. Вот всё, что я помню.

КОСТЕРЕВА (САМОДУРОВА) НИНА ГРИГОРЬЕВНА

– Когда началась война, маме, Самодуровой Елене Захаровне, было двадцать семь лет. Детей у нее было уже четверо: мне к началу войны девять лет, Анне – шесть, Марии – четыре года, а Людмиле – один год. Жили

мы в Калужской области, в деревне Стайки Спас-Деменского района. Когда наши войска отступали, и не успели нас вывести в тыл. Это было всё стремительно. Когда немцы входили в деревню, первыми шли финны, они истребляли всё: скот, птиц, разорили все колхозные постройки, и вырубали сады. Первое время фронт, то есть передовая линия фронта, была в километре от нас. Потом наши войска отступили дальше. Оккупация длилась с 1941 по 1943-й годы. Мы жили в страхе и голоде. Нас сразу выгнали из дома. Мама с бабушкой и дедушкой стали копать траншеи, чтобы как-то спастись от пуль, снарядов и бомб. Мама посадила нас в эти траншеи,

и жили мы там несколько недель. Потом решили окопаться в овраге. Выкопали бункер (землянку), обложили деревом (осиной) стену, крышу, нары. Сложили печь, сделали мельницу из толстого дерева, набили чугунные осколки, чтобы хоть как-то жить и питаться. Наступали холодные дни. Так мы и жили несколько месяцев.

А в нашем доме жили немцы.

На этой небольшой самодельной мельнице мы мололи зерно и пекли хлеб, чтобы не умереть от голода.

Через несколько месяцев нас пустили жить в дом. Поселились мы за печкой, занавешенной шторой, а в большой комнате, по-прежнему, жили немцы. Спали они на полу, усталом соломой.

Взрослых женщин и девушек посылали насильственно выкапывать противотанковые рвы. Мужчин в деревне не было, так как все ушли на фронт. Дети-подростки носили на передовую линию своим матерям и сёстрам какую-то еду. Снаряды летят, пули свистят, а мы по канавам прячемся. Расстояние было большое – до десяти – двенадцати километров. Копать траншею маму посылали редко, потому что мы были ещё малы.

Несколько раз подгоняли машины, чтобы вывезти нас в Германию.

Нам повезло: у нас был избран старостой пожилой мужчина, говорящий по-немецки, так как в империалистическую войну он был в плену у немцев, и там жил долгое время. Вот он то нас всех и спас от этого страшного события. Этот человек был очень добрым и хорошим. Он очень много добра сделал для жителей.

Шло время. Кругом царили голод, холод, тиф. Им переболели все мы, даже дети, и выжили. А дедушка наш за несколько дней умер.

Мы даже шли на такие поступки, как воровство. Уворовывали крупу и чечевицу, которые кушали, даже вернее сказать, грызли сырыми. Молодых женщин, кто открыто говорил против немцев, расстреливали. С жителями других населённых пунктов общаться не разрешали, так как к нашей местности близко прилегали леса. А немцы очень боялись партизан. Партизаны наведывались по ночам.

Женщин выгоняли в лес и заставляли выпиливать лес и складывать в штабели. Дров было так много, что после оккупации люди пользовались этими дровами какое-то время.

Было очень тяжело. Мыть нас было нечем. Мыла нет. Бельё стирать нечем. Мама настаивала воду золой, и этим настоем мыли голову и стирали бельё. Голод, холод, вши, тиф. Очень тяжело было маме с нами.

За эти два года наши войска близко подошли к нашим деревням. И призывали людей поддерживать их. Но мы охранялись собаками, и поэтому мы не могли этого сделать. Нас часто бомбили. Погибали и взрослые, и дети. Шли бои. Земля была испещрена воронками. Немцы жгли дома вместе с людьми.

Когда наши начали гнать немцев, то немцы спешили угнать в Германию людей из близлежащих деревень. Все гонимые проезжали по нашей деревне. Ближе дорог не было. Колонны пленных земляков охранялись солдатами с собаками. И, в последний момент, оккупанты прихватили и нас – несколько семей из нашей деревни.

Пули свистят, снаряды пролетают. Было очень страшно. Дети плачут, немцы, подгоняя нас, орут и собаки лают. Гнали нас долго. Мы были все голодные и грязные. Колонны длинные.

Пригнали нас в город Рославль Смоленской области. Скопились огромное количество людей. Поселили нас в бараке на окраине города. Лагерь обнесен колючей проволокой. Охрана – немцы с собаками. Взрослые работали весь день. Возвращались вечером уставшие и грязные. Дети умирали, хоронили прямо за углом барака. Кормили очень плохо. Баланды постная каждый день. Мы выжили за счет мамы. Она, возвращаясь с работы, приносила кусочки хлеба.

Мы, дети, просто были предоставлены самим себе. И плакали, и ругались. Но выжили не все из нашей деревни.

Так мы прожили несколько месяцев в городе Рославле.

Наши войска начали наступление и освободили нас.

Рядом был лагерь наших пленных солдат. Все истощенные, грязные, как и мы.

Этот лагерь так и назывался – лагерем смерти.

Когда нас освободили, сразу вывезли в близлежащую деревню Бережки. Вот от туда и начался наш путь к дому. Нас подвозили даже солдаты. Но в основном мы шли пешком. Так мы и добрались до дома. Так и выжили – все четыре сестрички. И до сих пор все мы живы. Но здоровье, конечно, подкошено.

Папа пропал без вести. Как я помню, от него были последние письма из-под Витебска, что в Белоруссии. Мама замуж больше не вышла и воспитывала нас одна. Такая разруха была, что приводила маму в шок. Все поля и перелески были испещрены воронками от бомб.

Рассказать можно было бы больше, но это уже будет непоследовательно.

КОСТИКОВА (ХРАБРОВА) НИНА МИХАЙЛОВНА

1935 года рождения, проживала до войны в поселке Октябрьский Истринского района Московской области.

– Наша семья состояла из шести человек: мама – Храброва (девичья фамилия Кучерова) Любовь Васильевна, отец – Храбров Михаил Федорович и четверо детей – я, Толик, Виктор, Верочка.

Папу призвали в ряды Красной Армии с первых дней войны. Младшая сестренка Верочка умерла от пневмонии. Нас у родителей осталось трое.

Немцы двигались по нашей стране очень быстро. Наш поселок постоянно бомбили почти каждую ночь. После воздушной тревоги мы прятались в подвале под домом или в вырытых ямах. Двадцатого ноября 1941 г. посёлок Октябрьский был оккупирован немцами.

Фашисты вошли ночью с барабанным боем. Было очень страшно.

Наших родителей заставляли на них готовить, стирать, посыпать песком дороги, разгружать машины. Нас, детей, закрывали или в холодном подвале, или в сарае, или в других помещениях. А когда мы плакали, немцы свистели нам в уши с такой силой, что лопались барабанные перепонки. Так случилось и с моим братом – Храбровым Виктором Михайловичем. В 1941-м году ему было четыре годика. Он потерял слух на одно ухо.

В 1941-м году зима стояла суровая: холодная и снежная. Немецкие солдаты были плохо одеты и обуты. Армия Гитлера была многонациональная. В нашем посёлке в основном стояли финны. Они всячески издевались над мирным населением: раздевали людей, и все одежду старались надеть на себя. Не щадили даже детей.

Двадцатого января 1942 года немцы стали отступать. Всех жителей выгнали из домов, и под конвоем погнали в плен. Гнали нас через леса, деревни, в сторону Волоколамска. Весь поселок был полностью разрушен, разграблен и взорван.

Освободили нас советские войска, и мы вернулись в родной поселок. Но он был стерт с лица земли. Жить было негде. Тогда наша мать обратилась к командующему Армией – Рокоссовскому, который приказал нам немедленно покинуть посёлок и двигаться вместе с действующей армией.

Двигаться самостоятельно я не могла, так как у меня были обморожены ножки, и меня везли на санках. В деревне, где мы остановились, был медсанбат. Там мне вылечили ноги.

После этого маме дали направление на новое место жительства и работы – фабрику «Пролетарская Победа». После войны с фронта вернулся отец. Надо было дальше жить, расти, учиться, работать. Но след от жестокой войны останется.

ЛАШИНА (ГЛУШКОВА) ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА

Родилась 2 апреля 1938 года в деревне Пастушье Брянского района Брянской области в рабоче-крестьянской семье.

– Отец мой, Иван, женился еще до службы в армии. Когда папу забрали служить в армию, мама, Евдокия, осталась жить с его родителями. Я родилась уже без него.

Мама работала в колхозе. А

в 1940 году мама узнала, что, будучи женой на ней, отец в армии женился еще раз. Тогда она с ним развелась, и ушла жить к своим родителям.

Мамина семья была состоятельная, жили все дружно. Все работали. Дедушка, Михаил Акимович, работал на заводе, а бабушка, Татьяна Маркеловна, домохозяйничала. Сестра мамы, тетя Дарья, была председателем колхоза, а дядя Ваня, мамин брат, был директором школы и преподавал немецкий язык. На тот момент ему было 20 лет.

Ну вот началась война, и всех кого мобилизовали, мы стали провожать на фронт. А в октябре 1941 к нам в деревню пожаловали фашисты, и тут началось... У кого дома были получше, немцы стали выгонять и сами в них селиться. Все выгнанные семьи стали вселять в избы по две-три семьи. Вот так и началась наша жизнь под кованым сапогом фашизма.

Маминого брата на фронт не забрали, так как он был инвалид. У него на шее были незаживающие язвы размером с фасолину. В деревне Радица Брянской области, где мы жили, немцы устроили свой штаб. Позже я узнала, что мой дядя Ваня был связан с партизанами, и они его оставили в деревне для связи с ними. Через какое-то время от партизанского штаба моему дяде Ване поступил приказ добровольно пойти работать в немецкий штаб, так как он хорошо знал немецкий язык.

Дядя Ваня чувствовал, что ему одному не справиться. Ему были нужны надежные помощники. И первыми его помощниками стали моя бабушка, Татьяна Маркеловна, и моя мама, Евдокия Михайловна, которые носили донесения в поселок Стекланная Радица. Ходили они туда под видом покупки коровы.

Вскоре дядю Ваню уволили из штаба, и стали посылать на разные работы вместе с другими ребятами, которые отказались работать полициями. Однажды их послали за деревню копать ямы.

Они выкопали ямы, и, когда возвращались домой, дядю Ваню окликнул комендант, попросив зайти в комендатуру. Когда он пришёл туда, то его посадили под арест. Оказалось, что было убит связной. На бумагах, которые ему передали, стояла подпись дяди Вани. А дело было так. Немцы следили за связным, и, когда его в лесу тяжело ранили, он стал есть бумагу, которые нес, но не успев всё съесть. На оставшемся клочке бумаги оказалась подпись дяди Вани.

Дядя Ване нужна была перевязка его не заживающих ран на шее. Только на третий день после ареста нам разрешили прийти и перевязать раны. Не знаю, как маме удалось получить на это разрешение. Мы с мамой пошли делать Ване перевязку. Кроме того принесили ему сменную рубашку, и, когда он стал переодеваться, мы увидели иссиня-черные рубцы. Конечно, я тогда не понимала многого, а сейчас не могу вспомнить об этом без слёз. И я помню слова дяди Вани и никогда их не забуду, хотя мне было всего пять лет. Он спросил маму: «Дуня, знаешь как бьют?... Резиновыми плётками с металлическим наконечником. Но я всё равно ничего не скажу!».

На четвёртый день после ареста дяди Вани немцы и полиция пришли к нам в дом. Окружили его и арестовали всех, кто был в доме. Но потом тетю Нюру отпустили, так как она

ПЕРЕКЛИЧКА В МЫТИЦАХ

не жила в этой семье, и ее вместе с сыном Сашей отпустили на поруки свекрови, которая пришла за ней. А мы оказались в “холодной” – так тогда назывался недостроенный дом, где содержались арестованные. Крыши в этом доме не было, окна были заколочены фанерой, а пол был земляной. И нам приходилось лежать прямо на нём. Мою маму несколько раз водили на допрос. Она возвращалась с допросов вся избитая. Есть нам не давали. Если только жители покупят охрану, и принесут что-нибудь. И то, охрана сначала отберёт себе что захочет, а нам давали, что останется. Потом я узнала, что 15 мая 1942 дядю Ваню расстреляли вместе с ребятами. Сколько было ребят я не знаю.

А 16 мая 1942 повели на расстрел и нас. Сначала построили в колонну. Мама несла меня на руках. Она шла крайняя, ближе к народу, который выходил из своих домов. Кто-то маме сказал, что всех ведут на расстрел, и тогда она бросила меня прямо в толпу. Люди сразу же спрятали меня. От удара я потеряла сознание. Когда я очнулась, то увидела, что лежу на полу в чулане свекрови тети Нюры. А вокруг меня все сидели, и кто-то спрашивал: “Стреляют? Не стреляют?”.

Это расстреливали тех, кого вели колонной по деревне. Там была и моя мама. Вместе с ними были расстреляны наша соседка и двое ее детей десяти и тринадцати лет за то, что муж был партизаном.

Кому-то из деревенских удалось увидеть расстрел через щель в сарае. И он рассказывал потом бабушке, что всех раздели донага, поставили на край рва, который ранее выкопал дядя Ваня с ребятами, и всех расстреляли. Тела скатывались в ров. Потом немцы все засыпали землей, да еще и сверху положили дерн так, чтобы от этих людей и следа не осталось, чтобы невозможно было их тела найти и перезахоронить. У кого-то из расстрелянных была лошадь. Она пришла на это место и находилась там несколько недель. Она копала копытом дерн. Вероятно, чтобы попытаться открыть своего хозяина. Но самое страшное было то, что из-под земли все это время слышались стоны. Подходить к этому месту немцы не разрешали.

И вот, лежа на полу в чулане тети Нюры, я хотела встать на ноги, но ноги меня не слушались. Стало понятно, что у меня от испуга они отнялись. И я стала ползать и ходить на коленках. На ноги меня поставила моя бабушка, мама моего отца, Анна Акимовна, которая, выполняя наказ моей мамы, забрала меня жить к себе.

Но на этом мои злоключения не закончились. Я боялась оставаться одна. Чтобы чувствовать себя в безопасности, мне надо было чувствовать, что рядом кто-то есть. Я стала везде ходить и ездить с бабушкой Иваном Ивановичем. У него была лошадь с жеребенком. После боя, который произошел недалеко от нашей деревни, он подобрал раненых и выводил их. И его стали посылать с лошадью на разные работы.

И вот однажды его послали в посёлок Стекланная Радица вместе с несколькими жителями нашей деревни, и я как всегда увязалась с ним. У бабушки были дела по хозяйству, и она мне сказала: “Ну, ты с бабушкой поезжай пока, я тут хлопочу по дому”. Когда мы приехали в поселок, немцы начали грабить местное население, а награбленное надо было вывозить на железнодорожную станцию, чтобы потом вывезти в Германию. Вот моего дедушку немцы и заставили отвозить на лошади награбленное к железнодорожной станции. И тут началась облава. И мы попали в нее вместе со всеми, кто в этом поселке работал. Нас всех насильно угнали в поселок Урицкий. Там располагался завод “Рембаза”, ныне 85-й Центральный ремонтный завод (в/ч 75100).

Пока мы находились в лагере, нас не кормили. Принесут раз в день какую-то баланду и всё. Баланда – это такая очень жидкая похлебка, в состав которой входила вода и очистки из картошки, или из свеклы, или из брюквы (брюква – это гибрид репы и капусты, напоминающий по форме свеклу). Часто бывало, что не давали и этого, не кормили.

Люди умирали каждый день, и каждый день их трупы вывозили. Куда, я не знаю.

Новых людей привозили. Кого-то уводили. Народу в этом концлагере было очень много. Потом мы узнали, что этот лагерь был пересылочным и имел номер 142. Так получилось, что мы с бабушкой ближе всего были расположены к выходу. И когда в очередной раз вывозили трупы, нам и ещё двум дедушкам из нашей деревни удалось бежать. Это для меня они были дедушками, а так это были мужчины сорока – сорока пяти лет. Расстояние от посёлка Урицкий до нашей деревни Радица было около двадцати километров. Меня, где дедушки несли на руках, а где я сама шла. Все это время мы ничего не ели. До деревни мы добрались около месяца. Когда мы все-таки добрались домой, бабушка, увидев нас, так и ахнула. Мы были все опухшие от голода так, что никакая наша одежда и обувь на нас не налезала.

В сентябре 1943 наши войска погнали фашистов с брянской земли. Нас всех немцы подняли где-то в три ночи. Кто что смог захватить с собой, в том нас и погнали. Шли и ехали люди из двух деревень. Кто на чем: на телегах, на коровах. Нас немцы гнали впереди себя, используя как “живой” щит от наших войск. По дороге нас бомбили. У кого-то убило лошадь, у кого-то корову. А нашей соседке, бабе Поле, оторвало ногу. Но она осталась жива. Потом ходила после войны на деревняной ноге.

Когда нас прогоняли мимо неубранных полей, то взрослые собирали тыкву и свеклу. Всё, что можно было быстро схватить, чтобы немцы не заметили. Чтобы не голодать, ели все вместе, делясь друг с другом.

На ночь нас загоняли в какой-нибудь овраг. Немцы оставляли дежурных, а остальные шли в близлежащую деревню. Потом менялись. По ночам было холодно, но костры разводили разрешали только по утрам, засветло.

Есть стало совсем нечего. Всем сходом решили резать по одной корове и съедать всем миром. Коров резал мой дедушка Иван Иванович, так как он один мог это делать быстро.

Однажды немцы как всегда оставили нас всех на ночь в овраге. Приставили дежурную охрану и ушли. Наши старшие зарезали очередную корову. Предыдущую мы всю съели. Опалили шкуру. Шкуру от предыдущей коровы мы тоже съели. И вот мы с моей бабушкой Анной Акимовной пошли к ручью промыть шкуру от зарезанной дедом коровы. И увидели как с другого берега подошел к нам человек с окладистой бородой, почти до пояса, холщовой сумкой через плечо и спросил: “Вы с этого лагеря?” Бабушка ответила: “Да”. Мужчина продолжил: “Тогда идите, собирайтесь все и потихоньку двигайтесь в нашу сторону через ручей. Мы вас прикроем”. Оказалось, что в перелеске стояли наши родные освободители. Мы подняли головы, присмотрелись и увидели там наших солдат. Мы с бабушкой тут же все бросили и пошли в лагерь. Стали потихоньку всем говорить, что наши рядом и нам надо уходить в их сторону. В это время немцы не очень бдительно нас охраняли. Воспользовавшись этим наш лагерь осторожно тронулся в сторону ручья, где мы видели этого человека. Как только мы приблизились к ручью, немцы, разобравшись в чем дело, начали стрелять. Тогда наши начали отвечать. Так мы оказались между двух огней. Но мы вырвались из этого ада. Когда мы подошли ближе, наши солдаты начали помогать нам.

Потом мы стали добираться до нашей деревни. Пришли, а деревни-то и нет. Сожгли немцы нашу деревню дотла. Осталось всего две печки и баня. Одна печка-буржуйка с одного края деревни, а вторая, русская печь, с другого края деревни. Что примечательно, печь-буржуйка была в доме дочери, а русская печь – в доме ее матери.

Баню, мы, посоветовавшись всем миром, отдали женщине с шестью детьми, муж которой погиб на фронте. Кто-то стал копать землянки, кто-то поехал в соседнюю деревню, которая осталась нетронутой. Дело шло к зиме. На зиму мы поселились у тети Алены. Жили мы все одной семьей. Было очень трудно.

Наступила весна. Наш дедушка Иван Иванович пошёл в свою деревню. Сбирал

там плуги, бороны, стал собирать колхоз. Мы с бабушкой остались в деревне, в которой нам пришлось перезимовать.

В конце апреля в погреб переселились и мои тети – сестры отца. Они стали впрягаться в плуг и пахать на себе землю, чтобы хоть что-то посадить из овощей. Бабушка варила им еду, а я им её носила. Расстояние между деревнями было два километра.

Еще дедушка возил из леса бревна, которые остались от партизанских землянок. Дедушка их разбирали и привозил людям. Бабушка его спрашивала: “А себе что ж не привозишь?”, а дедушка всегда отвечал: “Себе успею. У них же мужья погибли”. Себе так и не успел. Весной 1945 года дедушка умер. Так и остались мы жить в погребе. Позже с фронта вернулся муж бабушкиной сестры, и он помог нам построить дом.

Подходы к лесу были заминированы, и к нам в деревню прислали саперов. И у кого в деревне были уже построены дома, саперов распределили жить по этим домам. К нам на постой определили двух ребят. У нас в доме не было толком ни крыши, ни потолка, ни пола. Вернее, пол был земляной. И они помогли нам поставить крышу, сделали потолок и пол.

Жили мы небогато. У нас была корова, и молоко надо было сдавать государству. Сажали картошку. Для посадки сначала у картошки обрезали “глазки”, а серединку потом съедали. Осенью собирали урожай, но не особо на всех хватало.

В 1945 году в нашей деревне построили школу, в которой учились с первого по четвертый классы. Чтобы учиться дальше, надо было идти за четыре километра в соседнюю деревню. Там учились с пятого по седьмую классы. А мне, прежде чем идти в школу, надо было на лошади привезти воды для тракторов. Это было по пути в школу. Помню, как зимой мы учились, а летом помогали взрослым в колхозе. В нашем колхозе все работало за “палочки” (трудодни). Летом я носила в деревню Фокино, расположенную в восьми километрах от нашей деревни, молоко на продажу.

Восьмью - десятилетиями классы учились вместе, так как во время войны никто не учился. Сидели по пять - шесть человек на скамеечках за столами. Парт не было. И эта школа была за восемь километров от нашей деревни. А мне ни одеть, ни обуви нечего. В колхоз работать меня не пустила тётя Таня. В 1952 году я окончила семь классов. Мне было тогда 15 лет.

Поступила в школу фабрично-заводского обучения молочной промышленности, расположенную в городе Мичуринске. В 1954 году приехала в Мытищи к тете Нюре, которая жила близ станции Строитель. У неё никого не осталось по маминной линии, кроме меня. Так я и осталась жить здесь. Прожила насыщенную трудовую жизнь. Не раз была отмечена руководством и коллективом поощрительными грамотами. В 2008 году награждена памятной медалью Российского союза бывших малолетних узников фашизма “Непокоренные”.

СЕМЕНОВА (ВАСЕЧКИНА) ПЕЛАГЕЯ ФЕДОТОВНА

Что я помню о войне? В 1943-м году, в июле месяце, мы были выгнаны из села Милеево Хвостовичского района Калужской области. Гнали нас очень долго, шли пешком. Кто уже не мог идти, того расстреливали.

Потом была остановка. Немцы начали отбирать кого отправить в Германию, а кого в Белоруссию. Нас отправили в Белоруссию, так как у сестры обнаружили чесотку.

Моя сестра родилась в 1930-м году. Ещё у нас был брат. Ему было 15 лет. А всех мальчишек такого возраста забирали на лесоповал. Все жители нашей деревни были угнаны в Германию.

В Белоруссии нас поселили в лагерь, который был окружен колючей проволокой.

Каждый день гудела сирена и начиналась бомбежка. Все уходило в бомбоубежище. Это повторялось каждый день.

Кушать нам давали очень мало, поэтому есть хотелось всегда. Неподалеку от лагеря находилась немецкая комендатура и высокий дощатый забор. За забором был город, и люди сделали внизу забора дырочку, в которую пролезали, чтобы выйти в город просить милостыню. Немцы же, если кого замечали, того расстреливали. Было очень страшно, но всё равно ходили.

Нам, детям, очень хотелось погулять за проволокой. На нас спускали собак. Они были огромные, но нас не кусали, а валялись по земле, и нам было очень страшно. А самое страшное, когда нас, всем лагерем, выводили на расстрел ни один и ни два раза, а много раз.

Мужчин отправляли на работу, а женщин и детей – на расстрел, так и говорили. Строили нас большую шеренгой, а сами немцы стояли впереди с оружием. Их было очень много. Один из них давал приказ стрелять. Но стреляли они вверх, и снова отправляли нас в лагерь. Очень многие сходили с ума. В лагере внизу была большая комната и их селили в эту комнату.

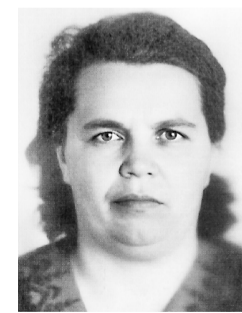
Однажды мы с сестрой гуляли на улице. Неподалеку был колодец. Идут два немца. Они схватили меня, привязали веревкой, которая была намотана на валик, и стали меня спускать в колодец. Но до воды я не достала. Потом они вытащили меня обратно и дали мне под зад, а сами пошли дальше. Мы с сестрой долго после этого болели.

И вот пришел тот час, когда мы увидели русские танки и технику. Потом, услышав раздирающий крик “Ура!!!”, поняли, что закончилась война.

На второй день после этого нам с девочкой и мальчиком захотелось пойти в барак, где раньше жили немцы. Пришли и стали собирать красивые фантики от конфет. Тут я решила посмотреть в окно. Наверное, мне боженка это подсказал. Увидела неподалеку один жвавый вагон. Из этого вагона спрыгнули двое мужчин, и направились в нашу сторону. Мы бросились бежать. Только слышали выстрелы. Мальчик, который был с нами, упал, а мы с девочкой бежали дальше. Ей попала пуля в руку. Я думала – теперь моя очередь, но бог миловал! Когда мы уже подбегали к лагерю, они вернулись назад. На звуки выстрелов собралось много людей, которые решили пойти за мальчиком. Эти звери изрешетили все его тело. Представьте себе, чтобы они с нами сотворили, если бы я не посмотрела в окно.

Потом все покинули этот проклятый лагерь, и кто как мог стали добираться до своих сел, деревень. Ехать приходилось на товарных открытых платформах. Часто сходили на остановках чтобы кому-нибудь чем-нибудь помочь, чтобы хоть как-то прокормиться. Еще какое-то время после всего этого было трудно и голодно. Но мы всё пережили.

ПЕРШИНА (ВОЛКОВА) ГАЛИНА ФИЛИППОВНА

– До угона на принудительные работы в Германию мне пришлось многое пережить, но это другая история.

А сейчас я вспоминаю о том тяжелом времени, когда меня угоняли в Германию, и какая жизнь была

на чужбине в фашистских застенках.

Я родилась в Белоруссии двадцатого июля 1926 года в деревне Мазурино Сиротинского района Витебской области. Училась в русской школе, до войны окончила семь классов. Очень хотелось учиться дальше, но пришла война. В августе 1943 года к нашей хате подъехали немцы с полицаем и говорят: “Собирайся! Указ Гитлера, если будете убежать, вся семья будет расстреляна!” Мама стала сильно плакать, прощаясь со мной. И также, в один день, очень организо-

ПЕРЕКЛИЧКА В МЫТИЦАХ

ванно забрали всех подростков. Мне тогда исполнилось 17 лет.

Привезли нас в район Сиротино Витебской области, закрыли в конюшню, где стояли ранее лошади. Мы лежали всю ночь на соломе. А немцы всё подвозили и подвозили новых узников, заталкивая их в эту конюшню. А утром всех погнали и загрузили в товарные вагоны, закрыв на задвижку. Мы сидели там на полу и плакали. В вагоне было темно, даже не было окошечка. И вот нас выгружают в городе Полоцк. Немцы бегают с собаками, думая, что привезли преступников. Со станции города Полоцка пригнали в барак за колючей проволокой. Кругом были такие же бараки, которые были построены до 1943 года. Кто-то сказал, что немцы будут проверять, и у кого окажется больное сердце, того отпустят. У нас были косы с ленточками. Сидя в бараке, кто-то достал спички, и мы, закручивая эти ленточки, стали их курить, чтобы болено сердце. В это время нам сказали: “Раздевайтесь наголо для дезинфекции”. Помазком помазали в подмышечных впадинах и ниже место.

Наутро нас, напуганных и голодных, погрузили в товарные вагоны и опять закрыли, чтобы не убежали. Лежали на полу, прижавшись друг к другу. В Польше, в городе Белосток, нас высадили. Сидим на улице, окруженные немецкими солдатами. Пошел проливной дождь. Все промокли. Потом опять посадили в вагоны и привезли в город Кёльн.

Большой колонной нас гнали от станции города Кёльн. Пригнали на огромную территорию, обнесенную колючей проволокой, где было много бараков. У меня от ходьбы опухли ноги, и я еле шла. А потом погнали на дезинфекцию. Там, у выхода, сидел немец за столом. Он увидел, что я не могу идти из-за того, что у меня ноги опухшие. Он дал мне талончик, а когда выстроили всех в строй, парень по-русски скомандовал: “У кого талончик – шаг вперед!” Я вышла, и мне сказали идти в барак. Пошла в барак, села на пол в уголке, ничего не понимающая, что со мной будет и почему опухли ноги. Но вбегает девочка Оля, с которой вместе ехали, и говорит: “Нас немец какой-то забирает”. Я выскочила из барака, а за воротами уже много девочек стояло. И я, желая не отстать от своих, плачу и показываю жестом, чтобы он меня тоже взял. Он махнул рукой, чтобы шла к воротам. И этот немец с полицией повел нас на станцию Кёльн. Затем посадили в электричку и привезли в город Кобленц. Пригнали к лагерю, обнесенному высоким железным забором. Стоят два полицейских у ворот, которые, открывая ворота, загоняют нас в лагерь. Мы были измученные, голодные, напуганные.

За весь путь нам ни разу не давали ни поесть, ни попить. А мы выжили! В этот же день нас сфотографировали каждого по отдельности, взяли отпечатки пальцев, выдали солдатский котелок и обувь с деревянной подошвой и брезентовым верхом.

Поместили нас (23-х девочек) в одну комнату. Нары были двухэтажные, между ними было очень трудно пролезть. А в шесть часов утра – свисток. Дежурный по лагерю, молодой немец Фердинанд, кричал по-немецки: “Авштейн!”, что означало “Подъем!”, и мы с котелочками становились в очередь к окошку. Налили чай с сахарином и дали маленький кусочек хлеба с таким же маленьким кусочком маргарина. Стола в комнате не было. Мы сидели на нарах кто стоя, кто на подоконнике, и пили этот чай из котелка.

А в семь часов нас построили и погнали через Мозель – приток Рейна, в поле за город. Сзади привязан котелок. Деревяшки на ногах. Большое поле, размеченное колышками. Дали нам кирки, лопаты и тачки. Мы долбили и копали землю, затем грузили ее на тачки, и по дощечке отвозили в сторону. А немец бежал взад-вперед. Когда он в один конец поля бежит, то мы здесь стоим, и тогда он бросает в нас камнем, чтобы работали, а не стояли. А в обед, в молочных бидонах, привезли воду и брюкву. Это был первый день работы.

Мы немцу говорили, что нужен хлеб, а с такой едой мы работать не будем. Сели и сидим. Тогда немец погнал всех в лагерь и сказал шефу Фридриху, что мы отказались работать. Шеф стал кричать: “Забастов-

ка!” А девочка Ксения из нашей комнаты сказала: “Нет в обед хлеба – работать не будем!” Переводчица перевела её слова шефу. Тогда он ударил Ксению по лицу и посадил в подвал до утра. Шеф был одет в желтую форму с фашистским знаком на рукаве, а дежурный был в черной форме.

В лагере большинство людей было из Белоруссии, Калининской (ныне Тверской) и Курской областей. С сентября 1943 года по июнь 1944 года мы рыли эти котлованы. Зимой снега не было, и очень часто шли дожди, и дул ветер. Дерево на колодах продырявилось, ноги всё время были мокрые, и было очень холодно. У нас появились вши, чесотка на руках, очень болели зубы, нигде было помыться. Мы часто болели и ходили больные на работу. Работали с восьми утра до восьми вечера. Когда котлованы были вырыты, немец сказал, что здесь будет строиться фабрика. Вскоре нас оттуда сняли, и стали распределять кого куда.

Нас (не помню сколько человек) отправили асфальтировать небольшой бассейн, уже ранее кем-то вырытый. Сначала ездили грузили цемент, а потом клали асфальт. Мимо нас часто пробегала немка-почтальон с сумкой. Бросит нам в кусты несколько яблок, но близко к нам не подходила, а жестом показывала, что бросила нам. А почему она боялась подойти? Видимо закон Гитлера запрещал с нами общаться. Мы эти яблоки подбирали и делили по кусочку.

Там, где мы работали, рядом была бойня, куда загоняли скот. Один раз вышел немец и помахал нам рукой. Мы подбежали, тогда он вынес нам ведро, где варилось что-то мясное, и мы выпили этот бульон, всё-таки жир. А один раз пришли к нам на эту работу двое пожилых пленников. Они работали на баржах и в бидоне принесли нам суп. Они смотрят на нас и говорят: “Мы то здесь в плену, а зачем такое издевательство над вами?”. Когда закончили работать на этом объекте, нас вывели на рынок, и немцы стали нас разбирать. Нас, четырех девочек, взял шеф с рыбной фабрики. Эта фабрика находилась рядом с лагерем, и мы только ходили туда на работу, а ночевали и кушали в лагере. Я стояла у станка, одетая в передник. Вытаскивала треску из холодной бочки со льдом и рубила на доли. Помещение было каменное и холодное. Очень холодно было рукам. А в другом помещении стояли коптильни, и немец с немкой коптили эту рыбу. И что интересно, никто и никогда не дал маленького кусочка рыбы. А в этом помещении, где я рубила рыбу, стояла бочка с селедкой, и немец взвешивал селедку, приходящим немцам. Один раз было так, когда он вышел, я быстро залезла в бочку, достала селедку и спрятала ее в карман. Потом в лагере мы разделили эту селедку по кусочку. Иногда по территории проходил шеф рыбной фабрики. Сам такой жирный, красный, страшный фашист в шляпе с пером. На нас он смотрел с пренебрежением. Там, кроме рыбы, находились склады масла, а также консервы, но никогда нам ничего не давали. На фабрике работало 3 итальянца. Они занимались погрузками, и тоже были голодными. Они где-то раздобыли картошки и поставили варить на плитку. Тут немец позвал их что-то разгружать. Их долгое время не было, и мы решили эту картошку съесть, думая, что они уже не придут. Когда они вернулись, они очень сильно ругались на нас по-итальянски. А мы ничего не понимали, и они чуть ли не дрались с нами полезли из-за этой картошки. В воскресенье всегда был выходной. Чай с кусочком хлеба давали только утром. Раз не работаем, значит еда – один раз в день. Весь день сидели, запертые в бараке. Оставалось только смотреть в окошко и плакать, а на работе на это просто не было времени.

В конце 1944 года нам выдали “ОСТ” и велели пришить к груди. Эта картонка, обшитая голубой тряпкой и на ней было написано “ост (точный) рабочий”. И с “остом” разрешали в выходной день выходить в город. И пошли мы по городу ходить, стали просить у немков чего-нибудь поесть. Были разные: одна покопаётся в сумочке и что-нибудь даст, например, карточку по которой в магазине могли хлеба дать. А другие немки очень сильно ругались, когда просили. И стали немцы на нас жаловаться. Тогда шеф снова закрыл лагерь на замок.

Один раз мы с подружкой Олей вылезли через окно и пошли в город попросить еды. Одна немка дала нам полбатона хлеба. Мы пришли и опять через окно влезли. Оля перелезла, а я следом лезу. Тут кто-то крикнул, что шеф идет. Я очень испугалась, зацепилась колодкой за окно и рухнула вниз. Ударившись о каменный пол, сильно разбила губу. Хлынула кровь. Меня притащили и положили на нары. Меня всю трясло, и большой кусок мяса вылез на губе. Я думала, что останусь такой уродиной на всю жизнь. Но постепенно все заросло.

Один раз я и несколько девочек убежали в город. Нас забрал полицейский, загнал в арку и закрыл на замок. Пришел шеф и повел нас в лагерь. Осталась одна девочка, она очень плакала. Говорила, что за ней хозяин не придет. Она была не из нашего лагеря. Что с ней было потом, нам было неизвестно.

В конце 1944 года стали бомбить Кобленц всё чаще ночью. Когда объявлялась боевая тревога, дежурный гнал нас в подвал, а потом – отбой и назад. Жутко хотелось спать, а утром на работу. В выходной выгоняли расчищать завалы от бомбежки. Зашли в ресторан – окно и дверей нет, выкопали из мусора булочки и поели. В лагере шеф нас обыскивал, чтобы ничего не украли.

В начале 1945 года немцы уже знали, что им приходит конец. Они лучше к нам стали относиться, хотя мы были в полном неведении. Ничего не знали о том, как идет война, а только прятались от американской бомбежки. В феврале 1945 года Кобленц опустел. На улице не было ни одного немца. Все уезжали, а наши помогали грузить им вещи. Я всё ещё ходила работать на рыбную фабрику. Каждый день и ночь боевые тревоги, и мы сидели в подвале. В марте 1945 года была объявлена очередная боевая тревога. Нас всех на ночь согнали в лагерьный подвал, где я залезла под скамейку и просила Бога о спасении. Всю ночь гудело и гремело, а потом в подвал хлынула вода. Прибежали наши пленные, и сказали, что дамба Рейна разбита. Идет затопление города. Мы стояли в воде. Когда прекратили бомбить, мы вышли. Около ворот лежал убитый человек, сказали, что это индеец.

В нашем лагере окна и двери вырвало, город Кобленц весь в развалинах. Пришел шеф и сказал, чтобы мы готовились к эвакуации ночью. А на берегу Мозеля, притока Рейна, выброшена целая гора сахарного песка, мы побежали и насыпали его себе. Потом испугались эвакуации, думали, а вдруг расстреляют. Весь лагерь разбежались кто куда. Все стали прятаться в подвалах разбитых домов. Мы, 10 девочек, перебежали через Мозель и спрятались в подвале разбитого дома. Раздетые, всю ночь дрожали от холода. Утром, когда вылезли из подвала, увидели бункер и побежали туда. Там было теплее. И видим, как один человек вывешивает на этот бункер белый флаг. Подошли американские танки. Мы пошли смотреть и видим, в танках сидят негры, и жуют жвачку. Но мы не знали тогда, что такое жвачка, и мы испугались и подумали что-то другое.

Так как мост через Мозель немцы ночью взорвали, американцы ехали в обход. Здесь собралось много наших и пленные. И кто-то сказал, что немецкие солдаты сюда плывут через Мозель. Стояли брошенные грузовые машины. Пленные завели машину и забрали нас с собой. А потом нас оставили и попросили идти пешком один за другим, чтобы не попасть под танки. Очень много шло людей из разных стран. И вот дошли до распределительного лагеря. Там стали сортировать отдельно русских, белорусов, украинцев, французов и поляков. Дали по пачке печенья, погрузили в товарные вагоны и повезли. Выгрузили в городе Трир, который тоже был весь разбит. Только негры ходили по развалинам и что-то искали. А потом негры погрузили нас в грузовые машины и повезли, мы не знали куда.

Везли через горы. А так как я с детства не переносила качки, меня всё время рвало. И привезли нас на север Франции. Там были поле и лес, и очень большой палаточный лагерь. Наверное американцы думали нас переправить к себе в рабство. Там были брезентовые палатки, в которых по 2

койки. Но ночью холод был невыносимый, а днем тепло, конец марта. Всю ночь мы не спали, жгли костры и грелись. Краны стояли, но вода холодная. Мы все равно обрадовались воде, даже холодной. Стали мыться. Нам давали по полбатона белого хлеба, макароны и даже иногда шоколадку. Но у меня от холода пошли чирьи на ногах. А там была небольшая амбулатория и несколько больничных коек. У меня взяли анализ крови, а после сказали, что обнаружилось заболевание почек. Положили в амбулаторию, и через неделю я оттуда ушла.

В мае поставили приемник, и нам объявили на русском языке, что война закончилась. Мы очень обрадовались, стали обниматься, но что дальше будет и как нам попасть домой – мы не знали. Здесь всех пленных одели в военную форму со звездочками на рукавах. Затем они строем с песнями пошли в город Реймс отмечать праздник окончания войны. Когда вернулись, то стали рассказывать, как французы забросали их цветами. С марта по июль месяца мы находились недалеко от Реймса. А потом к нам прилетели два наших советских офицера, построили весь лагерь в круговую, чтобы было лучше слышно, что будут говорить. Они сказали, что есть указ Сталина и договоренность с американцами, чтобы всех репатриировать на родину. Возможно, но не найдем своих родных, но они нас не оставят в беде. И сразу негры стали вывозить нас на грузовых машинах на аэродром. А потом на вертолетах летели до города Лейпцига. Из-за сильной качки меня вынесли из вертолета. Американские солдаты на грузовых машинах перевозили другие машины через Эльбу на нашу сторону. Нас встречал духовой оркестр. Я видела, что когда пленные вылезли из машины, молодой офицер подошел к пожилому пленному и, ударив его по лицу, сказал: “Предатель”. Наверное, этот молодой офицер и войны не видел, а если бы видел, он так бы не сказал.

Всех согнали в лес. Мы разбрелись кто куда, никакой организованности. Никто наших фамилий не спрашивал ни на той, ни на этой стороне. Каждый был сам по себе, чтобы как-то выжить, хотя война слава Богу закончилась. И вот мы, девочки неразлучные, вышли на дорогу и спросили у солдат, есть ли какое место для таких как мы, и куда нам идти. Они нас повезли на машине. Потом сказали, что они едут в сторону за мукой, а нам сказали идти прямо. Там есть городок и нас пристроят. Когда пришли в военный пункт, выходит солдат и говорит, чтобы мы показали документ, а у нас нет ничего. Хотел арестовать, но в это время подошел офицер, отругал его и отпустил нас. И вот мы дошли до небольшого городка, здесь грузили в вагоны пленных. Говорили, что повезут в Сибирь. А на улице музыка играет, солдаты с девушками танцуют. А нам замученным и обтрёпанным есть хочется. Пошли в столовую, чтобы поставили на продовольствие. Нас спросили, откуда мы, потом сказали, что пока нет лимита, а что это такое – “нет лимита” – мы не знали. Мы пошли в поле, где рвали колоски. Где-то в разбитом доме нашли кофе-молку и стали молотье зерна. Варили на костре кашу и ели прямо на улице.

Был август. Погода стояла теплая. Все жили как придется, кто как сумеет. Потом услышали, что семейных и больных домой отправляют, а здоровые останутся урожаем собирать. Наша девочка Полина, самая боевая, пошла в штаб, где нас начали регистрировать. Называли это фильтрацией. Она рассказала все, и нас записали, как больных. Нас вместе с семьями с детьми погрузили на грузовые машины и повезли. По дороге ехало много солдат на машинах и танках. Говорили, что их переправляют в Чехословакию, потому что там неспокойно. Они давали всем есть из солдатской походной кухни. В августе стояла невыносимая жара, и мы все обгорели.

Привезли нас в город Львов на Украине, а оттуда приехали домой в Белоруссию. Меня никто в лагере не бил, но эти незабываемые юношеские годы в фашистских застенках навсегда отпечатались в моей памяти.

Мы находились в неволе униженные, голодные, немые, вшивые. Выполняли непосильно тяжелую ра-

ПЕРЕКЛИЧКА В МЫТИЦАХ

боту, и некому было нам пожаловаться. Нельзя забыть и бомбёжки, залпы орудий, взрывы снарядов. Такой страх надо было пережить. Эта напуганность и закомплексованность остались со мной до сегодняшнего дня. Ушли в мир иной наши дедушки, бабушки, родители, которые много перенесли и натерпелись в той страшной войне.

И как забыть крики и плач малолетних детей в этих страшных фашистских застенках? Уходит и наше поколение в мир иной, натерпевшееся и перенесшее много страданий. Хочется плакать при воспоминании о том страшном времени. Не надо забывать об этом! Надо, чтобы помнили, что такое фашизм и не рисовали фашистские знаки на заборах, при виде которых появляется страх. Храни Господь всех от такого нашествия, чтобы такого никогда больше не повторилось. Чтобы наши дети и внуки, а также будущие поколения жили и радовались жизни — она у всех одна.

Першина Галина Филипповна, бывшая несовершеннолетняя узница фашистских концлагерей (лагерный номер 2540 в г. Кобленце).

Ноябрь 2010 г. Город Мытищи.

КУВШИНОВА (ЕВГРАФОВА) ЗИНАИДА АЛЕКСЕЕВНА

Родилась 5 декабря 1936 г. в пансионате крестьянского фермерского хозяйства (КФХ).

— По поводу оккупации могу рассказать следующее. В сентябре 1941 года в нашу деревню Просенчиха Новодугинского района Смоленской области пришли немцы. Оккупировали всю деревню в

100 домов. До этого все мужское население было уже мобилизовано и вывезено на автомашинах. Остались только мирные граждане и дети. Фашисты, по-другому их не назовешь, нагло заходили в дома, забирали продукты питания. А живности — курам, овцам, гусям, свиньям — отрубали головы и на машинах увозили. Дети прятались в щели и куда только можно было.

У нас была корова. Они её привязали к переводу на дворе и начали с живого животного сдирать шкуру. Корова мычала, но на них это не действовало, потом отрезали голову.

Забирали новые вещи, одежду — все это увозили.

За молодыми девушками гонялись, если поймут, то насилуют. Так у нас в деревне изнасиловали Настю Дудкину, которая впоследствии родила мальчика-немца.

Остальных девчат, кого поймали, сажали силой в автомашину и отвозили на станцию Новодугинская, а оттуда отправляли в Германию.

Местное население прятало девчат, но находиться зимой в лесу было невозможно, так как под Москвой в 1941 году были морозы минус 40 градусов.

Население поддерживало связь с партизанами. Узнав об этом, немцы начали сжигать деревни, чтобы партизаны не находили себе крова. Сжигали все — бани, сараи, дома. Обливали бензином и поджигали, а детей и женщин выводили из домов на мороз. Мы сидели все на снегу, а дома горели...

Немцы тоже мерзли, поэтому подгоняли лошадей, сажали детей в сани, а взрослое население, держась за нами, бежали около саней. Если кто-то не успевал, то пристреливали. Так, посреди дороги пристрелили женщину из нашей деревни — бабу Авдотью. Ее тело так и осталось лежать на дороге. Мы не знали, куда нас повезут, а привезли нас в город Сычевку, в концлагерь. В этом городке был лагерь военнопленных и несколько гражданских концлагерей.

Держали нас на цементном полу, где была солома, ею мы и укрывались. Было холодно и голодно. Кормили отходами — очистками от картофеля и кочерыжками капусты.

Мы месяцами не мылись. Содержали вместе с мужчинами, где совсем не было туалета.

Отношение к нам было такое: нагайка, собаки и побои, как будто мы не люди, а животные. Но и их — немцев — трудно называть людьми.

Им было чуждо все человеческое — мы для них были красной сволочью, которую, как они говорили, надо уничтожать в зародыше, что они делали. Ежедневно вывозили трупы.

Тех, кто мог держать лопату, выгоняли на расчистку дорог — полураздетыми и босыми. Небольшое сопротивление — и тут же пристреливали.

Что это были за люди, если так можно назвать — это Гансы, это — высокого роста блондины с автоматом на груди. Мы их боялись, вот-вот пристрелят. Нас одолевали вши, болезни, многие умирали, но нас там было очень много. Почти каждый день привозили новых узников. Так мы жили до тех пор, пока нашу область от захватчиков не освободили.

Мы пришли на свои пепелища и начали строить шалаши.

В 2000 году решением мытищинского городского суда в присутствии двух свидетелей был установлен юридический факт насильственного угона с постоянно-но звание бывшего несовершеннолетнего узника. 10 февраля 2009 года награждена памятной медалью "Непокорённые".

ШИШКИНА (ЖУКОВА) АННА НИКОЛАЕВНА

— Когда началась Великая Отечественная война мне было 4 года и 5 месяцев, поэтому я не помню, как в наше село пришли немцы. Но вот что запомнилось. Я с мамой шла от бабушки по тропинке вдоль домов,

а по дороге ехали на мотоциклах люди в военной форме, и за ними поднимался столб пыли, сквозь которую ничего не было видно. Вскоре в наше село пришли еще немцы. Они относились к нам плохо. Если что-то, по их мнению, жители делали не так, то их наказывали. Заставляли охранять железную дорогу. Непокорных — расстреливали. Подозревали жителей в том, что они или сами партизаны, или помогали партизанам.

После того как немцев отогнали от Москвы, они оккупировали Калужскую, Брянскую, Смоленскую и другие области. Мы оказались на оккупированной местности. Через какое-то время немцы начали отступать под напором Красной Армии.

1943 году, когда мне было 6 лет, нас, жителей села Огорь, выгнали из домов и подожгли их. Дома пылали, жители кричали и плакали. Кругом слышны были стоны. Всех жителей, в том числе и нас, погнали в Белоруссию. Гнали, как скот, под охраной немцев и полицейских с собаками. Пригнали к станции Лесная. Дорога была плохая и было очень страшно. Нас бомбили немецкие самолеты, травил собак. На станции всех пленников загнали в лагерь, охраняемый немцами с собаками. В том лагере были бараки. Спали мы на трёхъярусных нарах, на голых досках. Есть было нечего.

В это время наши войска развивали наступление на немцев и погнали их. Немцы начали угонять население в Германию. Часть людей успели угнать, используя их как живой щит при наступлении нашей армии. Оставшихся в лагере людей наша славная Красная Армия освободила.

Военное правительство подселило нас в дома к местным жителям. Прожили мы там недолго. Потом вернулись в родное село.

Из Белоруссии мы ехали на открытых платформах товарного поезда. По дороге на состав напали бандиты, и отобрали наши бедные пожитки. Но мы все же добрались до родного села.

Жить было нелегко. Сначала жили в землянках, потом построили маленький дом. Жить было трудно. Испытывали голод и холод в послевоенные годы.

Мы всё перенесли, отстроили заново село. Жизнь стала постепенно налаживаться. Нас у родителей было двое: я и мой младший брат 1941 года рождения. В родном селе я окончила 7 классов и поехала работать на ткацкую фабрику в город Раменское Московской области. Мне тогда было 16 лет. Затем вышла замуж, и мы с мужем поехали к его месту службы за Полярный круг, в поселок Гремиха Мурманской области. Прожили и проработали там 19 лет. Там же у нас родились дети: дочь и сын. Сейчас они уже взрослые, имеют свои семьи. Оба получили высшее образование.

Мы прожили трудную жизнь. Пережили и войну, и разруху. Своими руками восстановили разрушенное войной хозяйство, города, сёла, деревни. Мы гордимся нашей жизнью, и желаем подрастающему поколению любить и беречь нашу Родину! Никогда не забывай людей, которые дали возможность жить, учиться, работать в нашей стране. Меня, как несовершеннолетнего узника фашизма, наградили в 2009 году медалью "Непокорённые. 1941-1945 годов" за верность Родине.

СЛЕЗКИНА (МУРАВЬЁВА) ЛИДИЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА

— Я, Слезкина Лидия Лаврентьевна, в девичестве Муравьева, родилась 1 января 1936 года в селе Зикеево Жиздринского района Калужской области.

До войны наша семья: отец — Муравьев Лаврентий Феопентьевич, мать — Муравьева Анна Егоровна, я — Муравьева Лидия, брат — Муравьев Валерий, год и 3 месяца, сестра — Муравьева Нина, 3 месяца от роду, и родная папина сестра — Муравьева Ефросиния Феопентьевна (моя крестная мама) проживали в этом селе.

В первый день войны отец добровольцем ушёл на фронт, хотя имел бронь. Погиб 30 апреля 1945 года.

В начале войны к нам приехала папина родная сестра, Калатухина Евдокия Феопентьевна, с мужем, Калатухиным Алексеем Петровичем, и сыном, Калатухиным Владимиром, которому тогда было 6 лет.

За село Зикеево ожесточенные бои шли трое суток. В это время мирные жители сидели в погребах, а наверху повсюду шли танки и боевая техника как русская, так и немецкая. Многие погреба были разрушены, и погибли мирные жители. После трехдневных боев наши войска отступили. Настала тишина. Мы вернулись в дом. Взрослые пошли хоронить погибших.

Убитых лошадей, коров, свиней и овец стали разделять и делить между оставшимися жителями села.

А под вечер со стороны Жиздры появились немецкие мотоциклисты. Проехав по всему селу до станции, уехали обратно в сторону Жиздры. Через некоторое время опять со стороны города Жиздры раздался гул. Это в село входили немецкие танки и боевая техника. Взрослые всех детей посадили на пол около стен и сели сами, надеясь, что пули не пробьют кирпичные стены, и мы останемся живы. Вот так наше село было оккупировано немецкими захватчиками.

Фашисты заняли село вечером, а уже в 4 часа утра в наш дом были согнаны все оставшиеся в селе коммунисты. У большинства из них была кровь на лице. Среди согнанных коммунистов была двоюродная сестра моего отца — Ситенкова Наталья. Она попросила мою крестную мать дать ей попить воды. Когда крестная подала ей воду, то тетя Наташа пить не стала, а наклонилась к крестной и тихо сказала, что их предали и им больше не жить, а еще просила, чтобы крестная это запомнила и передала нашим. Я это слы-

шала, потому что лежала на печке. Им больше поговорить не дали. Было уже 6 часов утра, когда всех погнали в сторону железнодорожной станции. Там между железнодорожными путями со стороны Москвы их расстреляли. На этом месте и по сей день находится братская могила и памятный знак. Машинисты проходящих мимо поездов гудком отдают дань памяти расстрелянным подпольщикам..

В нашем селе стояли части, состоящие из мадьяр и румын. Немцев почти не было. Сразу же после оккупации фашисты стали выгонять нас из домов и сами занимать их. В нашем доме поселился комендант. Отобрали все продукты. Скот стали убивать и кормить своих. Нам ничего не давали.

Через некоторое время в наше село пригнали наших раненых военнопленных. Всех жителей, в том числе и детей, согнали к церкви, которая стояла в центре села, и от нее лучами отходили 4 улицы. Вдруг наша соседка закричала и бросилась к молодому окровавленному солдатику. Это был ее сын. Она сняла со своей руки золотое обручальное кольцо и отдала конвою, прося, чтобы отпустил ее сына. "Киндер! Киндер!" — кричала соседка, показывая на молодого солдатика. Конвоир взял кольцо и отпустил молодого солдатика. После этого многие женщины начали просить охранников, чтобы те отпустили солдат. Говорили, что это их мужья. А другие женщины кричали, что это их братья. Но охранники, забрав драгоценности, никого больше не отпустили. Военнопленных заставляли лечь на землю вокруг церкви головами к ней. В этот момент откуда-то появился особый отряд. Они стали убивать военнопленных штыками.

ФЕРАПОНТОВА (КИСЛОВА) ЛИДИЯ ДМИТРИЕВНА

— Я родилась 19 апреля 1940 года в деревне Красновидово Истринского района Московской области. Мы жили с мамой, Кисловой Ниной Петровной, и отцом, Кисловым Дмитрием Ивановичем. Родители работали на тонкосуконной фабрике "Октябрьская". А отца забрали в армию на переподготовку до начала войны, а в декабре 1941 года он погиб. Воспоминания о войне я излагаю со слов мамы.

С 20 ноября 1941 года по 20 января 1942 года наша местность была оккупирована фашистами. В нашем доме располагался немецкий штаб. Немцы заняли весь дом. Нам с мамой достался стол на кухне, на котором мы и спали.

За время нахождения штаба немцы уничтожили всю живность и все заготовленные овощи. Мама на немцев готовила, стирала, терпела все их издевательства. Однажды один из немцев чудом не застрелил ее — его остановил их старший.

В январе 1942 года советские войска начали наступление и обстрел с воздуха. Немцы в суматохе стали упаковывать документы и все свои пожитки. Нас с мамой выгнали из дома, и подожгли дом.

При отступлении всех жителей деревни и поселка погнали на чужбину. По морозу нас гнали через разрушенную Истру, деревни Павловская Слобода, Ядромино и другие населенные пункты. Гнали в сторону Волоколамска, где был подготовлен состав для отправки в Германию. По пути следования родителей (женщин) заставляли чистить дороги, посыпать их песком, готовить и стирать немцам, разгружать машины. Детей закрывали в холодных сараях и подвалах. Наша военная авиация открыла бомбежку по немецким войскам, и они начали бегство. Сняли охрану и у нас, и мы разбежались по лесу.

Немцы отступили. Мы свободны, но идти было некуда. Начались скитания. Находясь в одном из населенных пунктов, в бомбоубежище произошел взрыв. Мама была ранена.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

ПАМЯТЬ ТРЕВОЖНЫХ ДНЕЙ:
МЯТЕЖ ОСТАНОВЛЕН!

– Мы столкнулись с предательством...
– Кто остановил колонны Пригожина...
– Что привело к измене...
– Мужество, самопожертвование павших героев-летчиков уберегли Россию от трагических разрушительных последствий...
– «Американская разведка ещё за несколько дней до мятежа получала сведения о готовящейся акции «Вагнера». Из сообщения СМИ
– В.В. Путин:
«Сделаю всё, чтобы отстоять страну, защитить конституционный строй, жизни, безопасность и свободу граждан»

23 июня 2023 года

Президент Российской Федерации Владимир Путин:

– Обращаюсь к гражданам России, к личному составу Вооружённых Сил, правоохранительных органов и специальных служб, к бойцам и командирам, которые сейчас сражаются на своих боевых позициях, отбивают атаки противника, делают это героически – знаю, сегодня ещё раз ночью говорил с командующими всех направлений. Обращаюсь и к тем, кого обманом или угрозами втянули в преступную авантюру, толкнули на путь тяжкого преступления – вооружённого мятежа.

Россия сегодня ведет тяжелейшую борьбу за своё будущее, отражает агрессию неонацистов и их хозяев. Против нас направлена фактически вся военная, экономическая, информационная машина Запада. Мы боремся за жизнь и безопасность наших людей, за наш суверенитет и независимость. За право быть и оставаться Россией – государством с тысячелетней историей.

Эта битва, когда решается судьба нашего народа, требует единения всех сил, единства, консолидации и ответственности. Когда в сторону должно быть отброшено всё, что ослабляет нас, любые распри, которыми могут воспользоваться и пользуются наши внешние враги, чтобы подорвать нас изнутри.

И потому действия, которые раскалывают наше единство, – это, по сути, отступничество от своего народа, от боевых товарищей, которые сражаются сейчас на фронте. Это удар в спину нашей стране и нашему народу.

Именно такой удар был нанесен по России в 1917 году, когда страна вела Первую мировую войну. Но победу у неё украли. Интриги, склоки, политиканство за спиной армии и народа обернулись величайшим потрясением, разрушением армии и распадом государства, утратой громадных территорий. В итоге – трагедией Гражданской войны.

Русские убивали русских, братья – братьев, а корыстную выгоду извлекали разного рода политические авантюристы да зарубежные силы, которые делили страну, рвали её на части.

Мы не дадим этому повториться. Защитим и наш народ, и нашу государственность от любых угроз. В том числе – от внутреннего предательства.

А то, с чем мы столкнулись – это именно предательство. Непомерные амбиции и личные интересы привели к измене. К измене и своей стране, и своему народу, и тому делу, за которое бок о бок с другими нашими частями и подразделениями сражались и погибли бойцы и командиры группы «Вагнер». Герои, которые освободили Соледар и Артёмовск, города и посёлки Донбасса, сражались и отдавали свои жизни за Новороссию, за единство русского мира. Их имя и славу тоже предали те, кто пытается организовать мятеж, толкает страну к анархии и братоубийству. К поражению, в конечном итоге, и капитуляции.

Повторю, любая внутренняя смута – смертельная угроза для нашей государственности, для нас, как нации. Это удар по России, по нашему народу. И наши действия по защите Отечества от такой угрозы будут жёсткие. Все, кто сознательно встал на путь предательства, кто готовил вооружённый мятеж, встал на путь шантажа и террористических методов, понесут неминуемое наказание, ответят и перед законом, и перед нашим народом.

Вооружённые Силы и другие государственные органы получили необходимые приказы, дополнительные меры антитеррористического характера вводятся сейчас в Москве, Московской области, ряде других регионов. Будут также предприняты решительные действия по стабилизации ситуации в Ростове-на-Дону. Она остаётся сложной, фактически заблокирована работа органов гражданского и военного управления.

Как Президент России и Верховный Главнокомандующий, как гражданин России сделаю всё, чтобы отстоять страну, защитить конституционный строй, жизни, безопасность и свободу граждан.

Тот, кто организовал и готовил военный мятеж, кто поднял оружие на боевых товарищей – предали Россию. И ответят за это. А тех, кого пытаются втянуть в это преступление, призываю не совершать роковую и трагическую, неповторимую ошибку, сделать единственно правильный выбор – прекратить участие в преступных действиях.

Верю, что мы сбережём и отстоим то, что дорого и свято для нас, и вместе с нашей Родиной мы одолеем любые испытания, станем еще сильнее.

24 июня 2023 года

/ТАСС/. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл заявил о своей поддержке усилий Президента РФ Владимира Путина, направленных на то, чтобы не допустить смуты в стране. В обращении председателя Русской православной церкви сказано:

"Вознося молитвы о мирном разрешении сложившейся ситуации, как председатель Русской православной церкви призываю одуматься тех, кто, взяв в руки оружие, готов направить его против своих собратьев. Перед лицом общей угрозы надлежит сохранять единомыслие, преодолевать обиды и личные амбиции. Как бы сложно это подчас ни было. Поддерживаю усилия главы государства российского, направленные на то, чтобы не допустить смуты в нашей стране".

Предстоятель Русской православной церкви отметил, что военное противостояние является испытанием, при котором нужно еще больше, чем в другое время, "бережно хранить народное единство, молиться Богу, всеми силами поддерживать воинов и друг друга". "Сегодня, когда на фронтах, самоотверженно исполняя свой долг, сражаются и гибнут наши братья, когда враги направляют все усилия, чтобы уничтожить Россию, любая попытка посеять рознь внутри страны есть величайшее преступление, которое не имеет никаких оправданий", – отмечается в послании.

По словам Патриарха, он молится сам и призывает всех архиереев, священнослужителей, монашествующих и мирян возносить усиленные молитвы о том, чтобы "Господь сохранил мир и единство, поставленные под угрозу призывами к смуте". "Да хранит Господь Россию, народ и воинство её", – заключил предстоятель РПЦ.

26 июня 2023 года

Из обращения В.В. Путина к народу:

– Твёрдую, однозначную позицию поддержки конституционного порядка заняли общественные организации, религиозные конфессии, ведущие политические партии, фактически всё российское общество. Всех объединило и сплотило главное – ответственность за судьбу Отечества. Президент подчеркнул, что вооружённый мятеж в любом случае был бы подавлен.

«Благодарю всех наших военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, специальных служб, которые встали на пути у мятежников, сохранили верность долгу, присяге и своему народу. Мужество, самопожертвование павших героев-летчиков уберегли Россию от трагических разрушительных последствий».

города Мытищи – бывшие узники фашизма – члены «Московской областной общественной организации бывших несовершеннолетних узников фашизма».

Выпуск газеты «Судьба» осуществлён на средства гранта, предоставленного из республиканского бюджета социально-ориентированной некоммерческой организации, осуществляющей деятельность на территории Республики Бурятия в рамках социального проекта «Перекличка бывших несовершеннолетних узников фашизма на страницах газеты «Судьба»».

РСБНУ:
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
РЕГИСТРАЦИЯРАЗБОРКИ
И АМБИЦИИ ПОЗАДИ

На отчётно-выборной конференции, состоявшейся в Москве 11 мая 2023 года, тон в работе над решениями задавало выступление председателя Смоленской региональной общественной организации бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей, делегата конференции Зои Кузьминичны КУМЕРДАНК (Смоленск,
ул. Академика Петрова – 4,
тел. (4812) 35-37-83).
Приводим его дословно

«Уважаемые участники VIII отчетно-выборной конференции! Примите сердечные поздравления с Днем Победы от героя Смоленска, где каждая пядь земли полита кровью. 5 мая на высоком уровне мы, смоляне, праздновали 100-летие со дня рождения Михаила Алексеевича Егорова, водрузившего Знамя Победы над Рейхстагом.

В нашей организации на 1 апреля 2023 года – 2021 узник. Перечислять проделанную работу не буду. Мы все делаем одно дело. Защита прав и льгот узников. Патриотическое воспитание молодёжи. Увековечивание памяти погибших узников в годы Великой Отечественной войны.

Сожалею, что принять участие в очной форме в работе конференции я не могу. Говоря о проекте изменений и дополнений в устав РСБНУ. Предлагаю руководящие органы РСБНУ избирать сроком на 5 лет. Избрание ответственного секретаря РСБНУ в уставе не прописывать. Назначение на эту должность – прерогатива председателя при согласии одного из членов Совета исполнять обязанности секретаря. Утверждение производить на заседании Совета РСБНУ. Пункты 6, 7, 8 Устава предлагаю оставить в прежней редакции. Время работает против нас.

Уважаемые делегаты конференции! Сложившаяся обстановка в организации не делает нам чести. Все разногласия и ошибки надо решать и исправлять внутри организации, на заседаниях Совета РСБНУ, а не превращать в разборку личных амбиций. Это недопустимо в данное сложное время в стране. Идет война! Мы должны оставить после себя достойную память.

Коллеги! Центр работы руководства организации – председатель, Совет, ревизионная комиссия должны быть в г.Москве, чтобы оперативно решать рабочие вопросы. Поэтому надо избирать в состав побольше товарищей, проживающих в Москве и территориально близких регионах.

В руководстве организации РСБНУ необходимо сохранить Лашук З.П., немало сделавшую для сохранения единства РСБНУ, для организации настоящей отчетно-выборной конференции».

Выступление З.К. Кумерданк было встречено аплодисментами, поддержано многими делегатами и нашло отражение в решениях конференции РСБНУ.

Документы Российского союза БНУ приняты на регистрацию. Об этом сообщили из Департамента по защите национальных интересов от внешнего влияния Министерства юстиции Российской Федерации.

Историческую перекличку, по-верку бывших узников фашизма, проживающих сегодня в городском муниципальном округе Мытищи, провели руководители некоммерческой общественной организации «Общество бывших несовершеннолетних узников фашизма 1941-1945 гг.», граждане города Е.П. Дроздова, А.Т. Пинина, З.А. Катуркина, Л.Л. Слезкина, В.И. Лашина.

По материалам переклички издана уникальная книга «Будем жить...» с портретами всех узников, проживаю-

щих в Мытищах. Литературную обработку рукописных текстов, их редактуру, разработку дизайна книги, а также по созданию визуального контента книги произвело ООО «СИНЕМАЛОРА».

Авторы-составители Ольга Антропова и Алевтина Епифанова. Предисловие Василия Пичугина, кандидата исторических наук, преподавателя истории в елизаветинской гимназии, заместителя главного редактора на портале «Наследник» (Московская область).

Студия «СИНЕМАЛОРА» также создала несколько неигровых фильмов, в которых принимали участие граждане

КОНФЕРЕНЦИЯ РСБНУ ВСЁ-ТАКИ СОСТОЯЛАСЬ

ГДЕ И КАК ЧИТАЮТ «СУДЬБУ»

В КАРАЧЕВЕ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

15 июня. Добрый день, уважаемый редактор! 16 июня, в пятницу, собираем Совет, по поводу подписки на 2-е полугодие газеты "Судьба" (быть или не быть). Ещё ранее В.А. Куликовская, наш председатель, звонила мне, говорила о том, что у неё сил нет ходить по домам и собирать деньги на подписку... И она готова бросить. Я посоветовала попробовать собрать актив подписчиков и сразу принести деньги. А кто придёт, значит и принесёт 200 рублей на газету, а кто не придёт – будем думать что дальше делать, или к ним идти, или искать способ с кем-то передать средства на газету. В РДК у нас маленькая комнатка... (мне придётся брать такси, чтобы объехать всех подписчиков (я немного подлечилась, теперь немного полегче). Возможно, придётся делать операцию на ногах... Думаю, что завтра на нашем заседании что-то положительное получится... От меня попросят информацию о результатах конференции, о наших задачах, и кто ныне председатель РСБНУ..., а я и сама ничего не знаю. Сообщите что-либо главное коротко о конференции, и я бы сделала информацию об этом и о пользе газеты... Газета у нас пропагандист и агитатор, она очень нужна. Всего доброго! До связи!

16 июня. Большое спасибо за новый выпуск газеты "Судьба". Я почитала, кое-что выписала, в 11-30 собираемся по подписке газеты, поговорим что и как лучше, и я кое-что из основного по материалам конференции расскажу. Спасибо за информацию, в которой нуждаются все узники. Держитесь!

У нас "Декада 2023 г." прошла нормально. Был традиционный митинг 11 апреля у Часовни-звонницы, на нём, помимо нашего руководства района и города, выступили я, Чекурова и Куликовская. Мы тоже сказали наше веское слово, а я ещё и прочла своё стихотворение "Дети в неволе". Принимали нас хорошо. В школах мы тоже побывали и поделились своими воспоминаниями. Из 80 наших живых узников не все могут выступать публично, Анненкова С.В. была в одной школе, Куликовская В.А. в другой, и Чекурова А.Е. в двух... Меня везде возили заказчики этих встреч, педагоги. Ещё накануне Международного дня освобождения узников фашистских концлагерей – 11 апреля дала информацию о событии в нашу "районку". Конечно, это всё не просто уже в нашем возрасте.

18 июня. О подписке. Собирала подписчиков Куликовская 16 июня, из 10 прибыло 6, и это члены Совета БМУ, а что с остальными выясняем. Один подписчик, Владимир, уехал отдыхать в белорусский санаторий, не дозвонился. Человек хороший, наш ровесник, давно у нас в активе, живёт в селе в 5-ти км., прихрамывает. Я о нём писала в нашу районку. Он родился в 1941 году, и ему было всего три месяца, когда началась война, больше не пришлось увидеть своего отца, погибшего на Ленинградском фронте, его имя в братской могиле защитников на подступах к Ленинграду. А Володю с мамой и бабушкой в августе 1943 года угнали в Германию. Фашисты бабушке выбили все зубы. Мамочка сыночка растила одна и замуж больше не выходила.

Другая наша подписчица, тоже замечательная, но упала и сломала руку в двух местах, живёт одна. Ещё двоим звонила

Валентина, они пока не определились. Ещё двое в перспективе. Я на себя взяла троих, и Куликовская тоже. Будем работать. Газете – быть! Я по материалам конференции по повестке дня подготовила информацию и зачитала на этом заседании, основное, и кто председатель и кто в Совет РСБНУ избран, и дополнения к уставу. А заметку под фамилией Куликовской – "ВЕРЮ: МЫ ВНОВЬ БУДЕМ ВМЕСТЕ", переговорив с женщинами, я переслала в некоторые газеты Брянщины с просьбой напечатать от имени нашего Совета. Очень актуальная заметка!

P.S. В Доме культуры, в комнате узников, есть небольшой уголок, как бы музей.

Здесь отражены основные вехи нашей работы в фотографиях. В Карачевском краеведческом музее наша выставка "Войны минувшей дети" функционирует уже с 2004 года (это моё "детище"). Будем переформлять, кое-что добавим в музей... Я слишком загрузила себя: и общественные мероприятия, и книгу надо добывать (двухтомник), а сил на всё, увы, уже не хватает. Да ещё ноги... И что-то здесь нужно бросить, отчего-то отказаться... Не знаю...

Пока, всё! От всех нас большой привет!

А. ЧЕКУРОВА
Карачев, Брянская область.
gorova10@yandex.ru

ЛУЧШИЙ СПОСОБ ПОДДЕРЖАТЬ ГАЗЕТУ УЗНИКОВ – ПОДПИСАТЬСЯ

КОНТРОЛЬНО-СОРТИРОВОЧНАЯ ТАБЛИЦА СФОРМИРОВАНА АО «ПОЧТА РОССИИ» ДЛЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА ГАЗЕТЫ «СУДЬБА» (ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС ПН838)

Санкт-Петербург – 1, Выборг (Ленинградская обл.) – 2, Кингисепп (Ленинградская обл.) – 1, Отрадное (Ленинградская обл.) – 1, Луга (Ленинградская обл.) – 1, Москва – 3, Домодедово (Московская обл.) – 3, Люберцы (Московская обл.) – 7, Спас-Клепики (Рязанская обл.) – 1, Воронеж – 1, Калач (Воронежская обл.) – 1, Россось (Воронежская обл.) – 1, Ростов-на-Дону (Ростовская обл.) – 1, Обнинск (Калужская обл.) – 1, Брянск (Брянская обл.) – 1, Дятьково (Брянская обл.) – 1, Жуковка (Брянская обл.) – 1, Карачев (Брянская обл.) – 1, Буй (Костромская обл.) – 1, Киров (Кировская обл.) – 1, Смоленск – 6, Вольск (Саратовская обл.) – 1, Сердобск (Пензенская обл.) – 1, Похвистнево (Самарская обл.) – 1, Илек (Оренбургская обл.) – 1, Пермь – 1, Камышлов (Свердловская обл.) – 1, Ревда (Свердловская обл.) – 1, Омск – 1, Тара (Омская обл.) – 1, Предгорный (Краснодарский край) – 14, Сочи (Краснодарский край) – 1, Лазаревский (Краснодарский край) – 1, Таманский (Краснодарский край) – 1, Старощербиновская (Краснодарский край) – 1, Октябрьский 16 (Республика Башкортостан) – 1, Алатырь (Чувашская Республика) – 1, Красноярск – 1, Волгоград – 4, Дубовка (Волгоградская обл.) – 1, Улан-Удэ (Республика Бурятия) – 2, Гусинозерск (Республика Бурятия) – 1, Тарбагатай (Республика Бурятия) – 1, Спасск-Дальний (Приморский край) – 1, Владивосток – 1, Амдерма (Ненецкий автономный округ) – 1, Березники (Пермский край) – 3, Сыктывкар (Республика Коми) – 2.

ЛИНИЯ ЖЕРТВ ФАШИЗМА ОСТАЁТСЯ КРАСНОЙ

Запрос на получение информации направлен Президенту Российской Федерации Путину В.В.

Уважаемый Владимир Владимирович! В газете «Судьба» – издании Международного союза бывших малолетних узников фашизма (МСБМУ), в №205 опубликовано Обращение председателя МСБМУ Н.А. Махутова к Вам, Владимир Владимирович, Президенту Российской Федерации, «ГДЕ ЖЕ ЗАКОН О ДЕТЯХ – ЖЕРТВАХ НАЦИЗМА?» В документе, одобренном на конференции Общероссийской общественной организации «Российский союз бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей», отмечается, что Законодательными собраниями субъектов Российской Федерации, Русской православной церковью, Союзом ветеранов, участниками Международных антифашистских форумов малолетних узников фашизма неоднократно поддерживалась точка зрения, что судьбы концлагерных детей были не менее страшны судеб детей блокадного Ленинграда и сражавшегося Сталинграда. Эта точка

зрения доводилась до Вашего, Владимир Владимирович, сведения, а также до сведения Правительства РФ, руководства Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Однако решение вопроса об особом статусе последних живых свидетелей преступлений нацизма, как принципиально новой в мировой истории категории участников и жертв прошедшей и новых войн, постоянно откладывалось.

Как считает автор обращения Н.А. Махутов, подготовка и выпуск нового Федерального Закона «О бывших несовершеннолетних узниках концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания, созданных фашистами и их союзниками в период Второй мировой войны», стали бы значимым проявлением заботы российского государства о детях и детстве в суровые военные времена, предупреждением о недопустимости и бесчеловечности новых и старых фашиствующих сил на земле Украины, России, Европы и мира. Мнение председателя МСБМУ разделяют все бывшие узники фашизма, проживающие не только в России.

Необходимо отметить, что «Судьба» – единственное в мире издание жертв нацизма, которое сообщает об обращении россиян – бывших малолетних узников фашизма к своим высшим государственным руководителям. Также добавим: издатель газеты – Благотворительный фонд «Газета «Судьба» с проектом 22-3-000936 вошёл в число победителей специального конкурса на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества в 2022 году.

С надеждой на внимание к нерешённым проблемам россиян – бывших несовершеннолетних узников фашизма,

**Главный редактор газеты «Судьба»,
бывший несовершеннолетний узник
фашизма (Удостоверение У №182001)
Леонид Кириллович СИНЕГРИБОВ**

Приложение:
Газета «Судьба» №205; обращение
Н.А. Махутова, председателя МСБМУ,
член-корреспондента РАН «ГДЕ ЖЕ ЗАКОН
О ДЕТЯХ – ЖЕРТВАХ ФАШИЗМА?»
– стр. 4

Аналогичные запросы направлены в адрес Председателя Правительства Российской Федерации Мишустина М.В., Председателя Государственной Думы Валодина В.В., Председателя Совета Федерации ФС РФ Матвиенко В.И.

**Ответ из Управления Президента РФ по работе с обращениями граждан и организаций Администрации Президента РФ, ул. Ильинка, д. 23, Москва, 103132.
19 июня 2023 г. № А26-07-62541971
Синегрибову Л.К.**

Ваше обращение на имя Президента Российской Федерации получено в письменной форме и зарегистрировано 19.06.2023 г. за №62541971.

Для объективного и всестороннего рассмотрения Вашего обращения запрошены необходимые соответствующие документы и материалы.

В связи с этим срок рассмотрения Вашего обращения от 19.06.2023 за №62541971 продлён на 30 дней (часть 2 статьи 12 Федерального Закона от 2 мая 2006г. № 59 -ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»).

По результатам рассмотрения в Ваш адрес будет направлен ответ в срок до 17.08.2023 г.

Консультант Департамента документального обеспечения В. ВИСОВЕНЬ.

УЧРЕДИТЕЛИ: Международный союз бывших малолетних узников фашизма (МСБМУ), АО «Правда Бурятии».

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Синегрибов Л.К. (г. Улан-Удэ).

КОРРЕКТОР: Дашиева Д.Б. (г. Улан-Удэ).

ВЕРСТКА: Иванов Д.А. (г. Улан-Удэ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Иванов Д.А. (г. Улан-Удэ); Махутов Н.А. (г. Москва); Пойто Т.Е. (г. Тирасполь); Пуникова Л.В. (г. Минск); Рошупкин В.Т. (г. Москва); Синегрибова В.Д. (г. Улан-Удэ); Шаповал Е.Ю. (г. Улан-Удэ).

РАБОЧИЙ ЦЕНТР В МОСКВЕ: 101830, г. Москва, М. Харитоньевский пер., 4. Телефон: (495) 923-9168, Факс: (495) 135-3097, E-mail: safety@imash.ru.

ИЗДАТЕЛЬ: Благотворительный фонд "Газета "Судьба". Россия, Республика Бурятия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Барнаульская, 60.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Россия, Республика Бурятия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Барнаульская, 60. Телефон: 8 9025 644790 (с 14:00 до 17:00 по московскому времени). E-mail: sudba2009@yandex.ru.

Газета зарегистрирована Министерством печати и информации РФ. Регистрационное свидетельство О110549 от 15 апреля 1993 г.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС В КАТАЛОГЕ «ПОЧТА РОССИИ» – ПН838.

ЕДИНСТВЕННАЯ В МИРЕ ГАЗЕТА ЖЕРТВ НАЦИЗМА

ПЕЧАТЬ: АО "Республиканская типография". 670000, г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 13, тел. 21-37-77.

Тираж 1500 экз. Заказ 2079.

Подписано в печать: 08.08.2023 г. в 8:00 ч. Выход в свет: 08.08.2023 г. Цена свободная.

Перепечатка без соглашения с редакцией не допускается.

Просьба к читателям, рассчитывающим на переписку с редакцией, в своем письме высылать конверт с обратным адресом.

Рукописи не возвращаются.